

§ 3.

Общественныя формы и общія формулы причинности.

Такъ какъ общественныя формы вполне разлагаются на психическіе элементы отдѣльныхъ особей, то вопросъ о примѣнимости общихъ формулъ причинности долженъ по отношенію къ общественному процессу разрѣшаться точно также, какъ по отношенію къ отдѣльной психикѣ. Было бы нелогично признавать причинность въ жизни общества для сторонника свободной воли въ человѣкѣ, или для приверженца теоріи «параллелизма» явленій сознанія и безсознательнаго. Въ первомъ случаѣ научная социологія была бы невозможна, во второмъ случаѣ она оказалась бы странной наукой съ двумя законностями—причинной связью и связью параллелизма.

Всѣ положительныя данныя, до сихъ поръ добытыя познаніемъ, направлены къ подтвержденію принципа причинности въ сферѣ общественныхъ явленій.

Говорить о систематическомъ сведеніи законовъ общественного процесса къ формулѣ энергіи, конечно, далеко еще не приходится. Только для первой половины формулы («энергія едина») можно найти прямое и полное примѣненіе въ изслѣдованіи общественной жизни: наблюденія тамъ обнаруживаютъ самые разнообразныя переходы энергіи внѣшней для общественного процесса во внутреннюю и обратно, изъ однихъ ея видовъ въ другіе... Но во всякомъ случаѣ изученіе общества не даетъ рѣшительно никакихъ фактовъ, которые стояли бы въ противорѣчій съ закономъ энергіи.

Даже законъ опредѣленнаго дѣйствія до сихъ поръ находитъ въ общественной наукѣ сравнительно меньше примѣненія, чѣмъ въ биологіи. Такое положеніе дѣла объясняется отчасти вообще слабымъ развитіемъ социологіи, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что общественныя формы менѣе однообразны, меньше повторяются чѣмъ биологическія,—а это препятствуетъ приложенію закона, который говоритъ о формахъ «одинаковыхъ» (хотя бы приблизительно). Однако, очень многіе изъ фактовъ, собранныхъ социологіей, весьма удовлетворительно укладываются въ рамки закона опредѣленнаго дѣйствія. Такъ, напр., если различныя общества находятся на одинаковой ступени развитія, то приблизительно одинаковыя измѣненія внѣшней среды (главнымъ образомъ, тѣхъ ея элементовъ, съ которыми непосредственно имѣетъ дѣло общественный трудъ—средствъ производства) порождаютъ и весьма сходныя измѣненія общественныхъ

формъ. Во всѣхъ культурныхъ обществахъ появленіе машинъ производило приблизительно одинаковыя измѣненія въ общемъ ходѣ жизни. Точно также въ охотничьихъ родовыхъ группахъ съ переходомъ къ землѣдѣлію происходили весьма сходныя преобразованія общественныхъ формъ: эти группы переходили въ землѣдѣльческія родовыя общины, которыя, какъ извѣстно, представляютъ очень много общаго между собою во всѣхъ странахъ. Подобныхъ обобщеній социологія до сихъ поръ даетъ немного по сравненію со всей массой накопившихся данныхъ частнаго характера.

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ познаніе социологической причинности принуждено останавливаться на стадіи закона инерціи. Дѣло сводится къ тому, что если мы наблюдаемъ измѣненія въ ходѣ какого-нибудь общественнаго процесса, если въ извѣстный моментъ онъ познается нами не въ томъ же видѣ, какъ въ предыдущее время,—то мы ищемъ причинъ такого измѣненія во внѣшнихъ вліяніяхъ, дѣйствующихъ на данный процессъ. Для измѣненія какой-нибудь частной общественной формы должна найтись причина въ измѣненіяхъ другихъ общественныхъ формъ или среды внѣ-соціальной. Если весь общественный процессъ въ его цѣломъ познается нами не въ такомъ видѣ, какъ прежде,—то мы заранее предполагаемъ въ этомъ результатъ измѣненія среды внѣ-соціальной (которую составляютъ средства производства и вся остальная природа). И всѣ пріобрѣтенія науки объ обществѣ вполне согласуются съ закономъ инерціи. Напр., наблюдается, что въ тѣхъ обществахъ, у которыхъ внѣшняя среда остается приблизительно одинаковой,—и общественныя формы отличаются большой устойчивостью; наоборотъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ внѣшняя среда (главнымъ образомъ, средства производства) замѣтно измѣняется, тамъ происходятъ также измѣненія въ общественныхъ формахъ. Вообще же отысканіе причинъ измѣненій въ общественной области до чрезвычайности затруднено громадной сложностью ея явленій, благодаря которой внѣшняя причина какого-нибудь внутренняго измѣненія можетъ быть отдѣлена отъ него длинной цѣпью посредствующихъ звеньевъ.

Итакъ, причинность въ социологіи имѣетъ за себя во первыхъ всѣ положительныя данныя научнаго наблюденія, во вторыхъ ту гармонию, которую она вноситъ въ научное міровоззрѣніе. Противъ себя она не имѣетъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, а только своеобразную психологію нѣкоторыхъ людей, предпочитающихъ двойственность единству въ объясненіи природы. Выборъ не-труденъ.

На общемъ положеніи о консерватизмѣ формъ здѣсь нѣтъ надобности останавливаться; оно, разумѣется, вполне примѣнимо къ общественнымъ формамъ. То же можно сказать о выводныхъ формулахъ измѣненій (зависимость строенія отъ среды, исторіи элементовъ отъ исторіи цѣлаго...).

Что касается подвижного консерватизма общественныхъ формъ, то его значеніе достаточно извѣстно: сохраненіе, измѣненія общества уже давно розматривались, какъ результатъ взаимнаго отношенія двухъ противоположныхъ процессовъ—ассимиляціи обществомъ внѣшней и дезассимиляціи внутренней энергіи.

Въ вопросѣ о кризисѣ общественныхъ формъ мы отмѣтимъ пока только ту ихъ особенность, что они протекають со сравнительно большою медленностью; продолжительность ихъ измѣняется не секундами, минутами, а днями, годами... Особенность, конечно, несущественная; она, повидимому, стоитъ въ связи съ громадною сложностью общественныхъ формъ. И въ другихъ областяхъ наблюдаются вообще болѣе быстрые и рѣзкіе кризисы для формъ болѣе простыхъ, превращенія болѣе медленныя и постепенныя для болѣе сложныхъ.

§ 4.

Общественныя формы и біологическая причинность (законъ подбора).

Общественныя формы представляютъ изъ себя частный видъ біологическихъ формъ приспособленія. Слѣдовательно, развитіе и вообще измѣненія общественныхъ формъ совершаются по тѣмъ же законамъ, которые даны современной наукою для всей области жизненныхъ процессовъ. Съ этой точки зрѣнія мы и рассмотримъ прежде всего вопросъ о происхожденіи общественныхъ формъ.

Но предварительно сдѣлаемъ одно замѣчаніе по поводу примѣнимости закона подбора къ общественнымъ формамъ. Здѣсь возможны такія соображенія. Съ обычнымъ понятіемъ о подборѣ неразрывно связывается представленіе о наслѣдственности, сохраняющей частныя уклоненія отъ средняго видоваго типа. Какую же роль играетъ наслѣдственность въ подборѣ общественныхъ формъ? Не оказывается ли она въ сторонѣ, — ибо трудно предполагать, чтобы въ особяхъ наслѣдственность могла воспроизводить сложныя психическія формы, напр. идеологическія?

Напомнимъ, что наслѣдственность сводится къ закону опредѣленнаго дѣйствія: новая форма жизни оказывается настолько одинаковою съ формою родительскою, что подъ той же (приблизительно) системой

вліяній проходить тотъ же (приблизительно) циклъ измѣненій. Такова наслѣдственность и у человѣческихъ общественныхъ особей. Она дѣлаетъ возможнымъ и необходимымъ тотъ фактъ, что новое поколѣніе воспроизводитъ психологію прежняго, поскольку условія его жизни одинаковы съ условіями жизни этого послѣдняго. Наслѣдственность—основное условіе сохраненія и воспроизведенія общественныхъ формъ. Подмѣните всѣхъ европейскихъ дѣтей маленькими папуасами, или хотя бы неграми — и формы общественного процесса значительно измѣнятся. — Въ этомъ смыслѣ ничуть не будетъ нелѣпостью говорить о наслѣдственности сложнѣйшихъ психическихъ формъ. Даже тамъ, гдѣ ребенокъ постепенно воспроизводитъ психологію родителей въ силу подражанія, — наслѣдственность, т. е. значительное сходство психическихъ организмовъ, есть необходимая предпосылка. Наслѣдственность—это не какая-нибудь мистическая сила, а фактическое сходство двухъ поколѣній.

Разница между обычнымъ біологическимъ подборомъ, и подборомъ въ предѣлахъ общества заключается въ томъ, что первый въ гораздо большей степени является истребителемъ цѣлыхъ организмовъ, тогда какъ второй чаще уничтожаетъ неприспособленныя психическія формы не вмѣстѣ съ особями, а въ отдѣльности, цѣною, обыкновенно, страданій, но не смерти особей. — Однако, различіе это вполне относительное, такъ какъ и біологическій подборъ иногда устраняетъ менѣе жизнеспособные элементы организма, не убивая его самого, и подборъ въ обществѣ нерѣдко прибѣгаетъ къ дѣйствительному истребленію и оставленію безъ потомства особей съ неподходящими психическими формами.

А. Исходной точкой развитія общественной формы слѣдуетъ считать индивидуальную психическую форму приспособленія.

Разсматривая особь въ отдѣльности, за ея внѣшнюю среду приходится принимать не только внѣ-соціальный міръ, но также и все остальное общество, кромѣ нея самой. Въ силу какихъ бы то ни было вліяній со стороны этой среды, въ психикѣ особи возникаетъ новая форма приспособленія, и затѣмъ окончательно складывается и упрочивается благодаря повторенію такихъ же вліяній и благодаря дѣятельности психического подбора. Новая форма можетъ быть чѣмъ угодно: формой психической, существованіе которой обнаруживается въ особомъ приемѣ непосредственной борьбы съ природой, формой социально-производственной, соответствующей особому типу отношеній человека къ другимъ членамъ общества, формой, наконецъ, идеологической — законы ея развитія во всѣхъ этихъ случаяхъ приблизительно одинаковы.

Возникающая форма подлежит дѣйствию подбора, т. е. сохраняется только въ томъ случаѣ, если соответствуетъ внѣшнимъ условіямъ,—иначе она должна исчезнуть. Сохраняющія или разрушающія форму внѣшняго вліянія могутъ быть раздѣлены на три группы: одни исходятъ еще изъ внутреннихъ отношеній организма самой особи, другія изъ ея соціальной среды, третьи изъ среды внѣ-соціальной. Сообразно съ этимъ приходится различать три стадіи подбора—внутренній, соціальный и внѣшній—разграниченіе совершенно условно, но удобное для анализа, основанное на болѣе частномъ или болѣе общемъ характерѣ подбирающихъ условій.¹⁾

Беремъ въ видѣ примѣра первую попавшуюся индивидуально-психическую форму. Положимъ, я началъ пьянствовать. Психическій подборъ покровительствуетъ той новой психической формѣ, которая выражается въ этихъ дѣйствіяхъ; онъ укрѣпляетъ ее, потому что пьянство соединено съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Допустимъ, что и вообще внутренній подборъ не разрушаетъ новаго «приспособленія». — Но, можетъ быть, для общественной среды оно оказывается не вполне подходящимъ, т. е. вліяніе со стороны общества направлено къ разрушенію данной формы. Возможно, что соціальный подборъ искоренитъ ее только вмѣстѣ со мною, напр. я буду убитъ, какъ вредный членъ общества. Возможно, что вліяніе общества только измѣнитъ направленіе психического подбора; меня напр., накажутъ, т. е. мое пьянство превратятъ для меня въ источникъ страданій. Наконецъ, меня могутъ просто лишить водки, т. е. будетъ устранено основное внѣшнее условіе проявленій данной психической формы, и она погибнетъ—въ отдѣльности или вмѣстѣ со мною,—какъ погибаютъ организмы отъ недостатка пищи.—Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обнаруживается несоответствіе психической формы съ условіями соціальнаго міра, и соціальный подборъ уничтожаетъ ее.

Но допустимъ, что и соціальный подборъ высказался (конечно, въ переносномъ смыслѣ слова) не противъ новой формы, а въ ея пользу: общество ни прямыми, ни косвенными способами не борется съ пьянствомъ, а даже напротивъ, поощряетъ его въ лицѣ кабатчиковъ, которые доставляютъ мнѣ водку и стараются спавать меня. Вопросъ и тогда еще не рѣшенъ окончательно: остается высшая судебная инстанція природы, внѣ-соціальный естественный подборъ.

¹⁾ Читатель припомнитъ, что и психическій подборъ, о которомъ мы упоминали отдѣльно, чтобы подчеркнуть его важное значеніе, есть только частный случай внутренняго подбора въ организмѣ. Точно также подборъ соціальный представляетъ прямое продолженіе внѣ-соціальнаго, потому что общественныя условія, взятые въ ихъ исторіи, опредѣляются внѣ-общественными.

Пьянство ослабляет и разрушает различныя приспособленія моего организма, и я погибаю жертвою болѣзней или неосторожности въ пьяномъ видѣ. Подобно социальному, и внѣшній подборъ можетъ дѣйствовать черезъ посредство психическаго: страданія отъ болѣзней и другія подобныя непріятности, которыя для меня являются результатомъ моей привычки, могутъ привести къ ея уничтоженію, тогда какъ самъ я останусь живъ. Такъ погибають при тяжелыхъ условіяхъ менѣе жизнеспособные элементы всякой сложной жизненной формы, тогда какъ болѣе жизнеспособные нерѣдко сохраняются.

Если препятствій не послѣдуетъ и со стороны внѣ-социальнаго подбора, то новая психическая форма продолжаетъ благополучно существовать.

Какъ видимъ, механизмъ возникновенія и сохраненія психическихъ формъ представляется, въ основныхъ чертахъ, такимъ: измѣнчивость психическаго аппарата даетъ матеріалъ для психическаго подбора; результатъ дѣятельности этого послѣдняго подлежитъ подбору всеобщему, изъ котораго условно можно выдѣлить во-первыхъ, подборъ внутренній, и во-вторыхъ, подборъ социальный.

По поводу социальнаго подбора можно прибавить, что значеніе его для развитыхъ общественныхъ организмовъ очень велико и возрастаетъ съ прогрессомъ общества.

В. Основываясь на всемъ предыдущемъ, мы можемъ теперь перейти къ вопросу о возникновеніи общественной формы въ процессѣ взаимодѣйствія психическихъ формъ отдѣльныхъ особей.

Сложившаяся подъ различными внѣшними вліяніями, индивидуальная психическая форма, обнаруживаясь въ дѣйствіяхъ особи, въ свою очередь выступаетъ, какъ внѣшнее вліяніе для остальныхъ элементовъ общества. Въ психическихъ аппаратахъ другихъ людей она вызываетъ разнообразныя измѣненія, которыя могутъ стать исходной точкой развитія новыхъ психическихъ формъ.

Измѣненія бывають особенно значительны, если какъ это очень часто должно быть—новая психическая форма не оказывается одинокимъ, изолированнымъ явленіемъ, если одновременно съ нею, въ силу общаго сходства условій, возникаютъ сходныя психическія формы въ другихъ особяхъ.

Новыя психическія формы, зародившіяся, какъ результатъ толчка, даннаго различнымъ элементамъ общественнаго процесса формою первоначально возникшею, подлежатъ точно также дѣйствію подбора въ различныхъ его стадіяхъ и видахъ. Подборъ отчасти или вполне разрушаетъ нѣкоторые изъ вновь образовавшихся—а въ связи съ ними, можетъ быть, и прежнихъ психическихъ элементовъ;

остальное онъ сохраняетъ, при чемъ пользуется продолжающимися измѣненіями, чтобы возможно полнѣе приспособить новыя психическія формы къ общественному цѣлому и внѣшнимъ условіямъ его существованія.

Такимъ путемъ создается система новыхъ индивидуально-психическихъ элементовъ, взаимно связанныхъ уже своимъ происхожденіемъ. Если входящія въ эту систему трудовыя дѣйствія направлены къ сохраненію общественнаго цѣлага, къ поддержанію и повышенію его жизнеспособности,—тогда передъ нами новая сложившаяся общественная форма, новый элементъ борющейся за свое существованіе сложной социальной формы жизни.

Сотни и тысячи вѣковъ дѣйствовалъ подборъ въ такомъ направленіи, прежде чѣмъ общество достигло той высокой сплоченности въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ, какая наблюдается въ настоящее время.

Борьба внутри обществъ, подобно борьбѣ между обществами, ведетъ къ обостренію разрушительной и созидательной дѣятельности подбора, ускоряетъ процессы деградаци и развитія. Въ этомъ смыслѣ фактъ борьбы внутри-общественной можетъ оказываться иногда вреднымъ, иногда полезнымъ для обществъ. «Формой общественной борьбы» мы будемъ называть ту систему психическихъ формъ, которая обнаруживается въ борьбѣ данной общественной группы людей противъ другихъ группъ, входящихъ въ составъ того же общества. Такая форма борьбы есть, очевидно, форма общественная: борьба ведется совмѣстно, особь стремится въ ней сохранить не только себя.

С. Процессъ выработки общественныхъ формъ, основываясь на дѣятельности подбора, совершается медленно и сопровождается массою жертвъ—смертей и страданій. Подборъ создаетъ, уничтожая; и даже такія формы, какія онъ вообще сохраняетъ для жизни, въ частныхъ случаяхъ онъ нерѣдко предастъ гибели. Таковъ стихійный ходъ развитія. Психика съ ея высшей формой приспособленія—сознаніемъ—значительно ускоряетъ этотъ процессъ и дѣлаетъ его менѣе мучительнымъ.

Особенно важную роль въ дѣлѣ облегченія процессовъ общественнаго развитія и уменьшенія той цѣны, которою оно покупается, играетъ одно психическое приспособленіе, всеобщее для социальныхъ организмовъ,—то, которое проявляется въ фактахъ подражанія.

Явленіе, называемое подражаніемъ, заключается въ томъ, что образъ, порожденный въ сознаніи одной особи дѣйствіями другой, вызываетъ со стороны первой сходныя дѣйствія, хотя обыкновенно

въ ослабленной формѣ. Обезьяна видитъ движенія другой обезьяны или человѣка, и машинально повторяетъ ихъ. Человѣкъ слушаетъ рѣчь другого человѣка и незамѣтно для себя шепотомъ повторяетъ его слова или, по крайней мѣрѣ, воспроизводитъ ихъ мысленно; послѣднее также сопровождается ослабленными двигательными реакціями одного характера съ тѣми, которыя необходимы для дѣйствительнаго произнесенія словъ. Еще болѣе слабая степень подражанія—простое стремленіе повторить видѣнныя движенія; стремленіе отражаетъ въ сознаніи начинающееся весьма ослабленное воспроизведеніе представляемыхъ дѣйствій.

Факты подражанія вполне сводятся къ явленіямъ памяти и привычки. Представленія о чужихъ дѣйствіяхъ въ силу психологическаго закона ассоціаціи по сходству напоминаютъ намъ, вызываютъ въ сознаніи представленіе о собственныхъ сходныхъ дѣйствіяхъ; а это представленіе въ свою очередь связано съ привычными двигательными реакціями, и можетъ вызвать ихъ осуществленіе. Правда, то дѣйствіе, которому я подражаю, никогда, можетъ быть, раньше не выполнялось мною во всей полнотѣ и точности; но оно во всякомъ случаѣ составлено изъ такихъ элементарныхъ двигательныхъ реакцій, которыя привычны для меня; въ противномъ случаѣ самое подражаніе было бы невозможно.

Положимъ, я вижу, какъ другой человѣкъ танцуетъ. При воспріятіи этого впечатлѣнія мои глазные мускулы выполняютъ опредѣленныя движенія, заключающія въ себѣ много общаго съ тѣми, которыя я совершалъ при воспріятіи различныхъ движеній собственныхъ ногъ. Представленіе объ опредѣленныхъ движеніяхъ моихъ глазныхъ мускуловъ прочно ассоціировано съ воспоминаніемъ о соотвѣтственныхъ движеніяхъ моихъ ножныхъ мускуловъ. Поэтому, согласно законамъ памяти, у меня возникаютъ представленія о собственныхъ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, сходныхъ съ тѣми, которыя я вижу, и возникаютъ въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ совершаются дѣйствія наблюдаемаго мною танцора. А представленія о моихъ движеніяхъ тѣсно связаны въ моей психикѣ съ соотвѣтственными двигательными импульсами, что и естественно, такъ какъ обыкновенно въ предыдущей жизни оба психическія явленія выступали рядомъ. Такимъ образомъ, у меня возникаютъ подражательныя движенія либо въ ясно выраженной формѣ, либо въ ослабленной степени, въ видѣ простого стремленія къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ. Получается зародышъ новой психической формы, зародышъ, который можетъ развиваться или заглухнуть—смотря по дальнѣйшему ходу вещей.

Итакъ, подражательная способность не есть особая психическая форма, а только частный случай сочетанія фактовъ памяти и привычки.

Нетрудно понять, насколько важное значеніе имѣетъ эта способность для общественнаго развитія. Подражаніе во много разъ увеличиваетъ тотъ матеріалъ, съ которымъ оперируетъ подборъ въ дѣлѣ выработки новыхъ социальныхъ формъ приспособленія, новыхъ психическихъ приѣмовъ общественнаго труда, простѣйшихъ отношеній сотрудничества, наконецъ—большинства идеологическихъ приспособленій—рѣчи, познанія, права, нравственности и т. д...

Очень часто путемъ подражанія сравнительно быстро и легко вслѣдъ за индивидуальной психической формой складываются въ другихъ психикахъ формы, ей соотвѣтственныя. Впрочемъ, иногда можетъ казаться подражаніемъ и то, что было въ сущности одновременнымъ возникновеніемъ сходныхъ психическихъ формъ въ сходныхъ особяхъ въ силу одинаковыхъ вліяній; и ужъ по меньшей мѣрѣ такое сходство особей и внѣшнихъ условій является не обходимой почвой для подражанія; дикарь, напр., въ большинствѣ случаевъ даже не въ силахъ подражать человѣку высокой культуры, потому что не понимаетъ его, потому что не заключаетъ въ своей психикѣ тѣхъ данныхъ, на которыхъ основаны поступки этого послѣдняго.

Роль подражанія въ процессѣ выработки общественныхъ формъ такъ значительна, что есть социологи, которые считаютъ подражаніе, на ряду съ психической измѣнчивостью (проявляющейся въ «изобрѣтеніи»), основнымъ дѣятелемъ общественнаго развитія. Недостаточность, и даже неправильность такого объясненія очевидна. Далеко не всякая вновь возникающая психическая форма распространяется путемъ подражанія; и сама по себѣ теорія подражанія не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ, почему однѣ изъ такихъ формъ становятся всеобщими, а другія исчезаютъ. Далѣе, какъ мы видѣли, взаимное соотвѣтствіе психическихъ формъ различныхъ особей далеко не всегда основано на сходствѣ этихъ формъ и потому далеко не всегда можетъ достигаться путемъ подражанія. Напр., если организаторъ труда распоряжается, то исполнители не подражаютъ ему, а повинуются, выполняютъ совѣтъ иную роль,—и слѣдуетъ еще дать отвѣтъ на вопросъ, почему тотъ и другіе не начнутъ взаимно подражать другъ другу. Вообще, такіа социологическія объясненія, какъ теорія «изобрѣтенія и подражанія» скользятъ по самой поверхности явленій, не давая отвѣта на вопросъ—«почему?»

Подводимъ итоги. Процессъ возникновенія и преобразованія об-

пественныхъ формъ есть процессъ биологическій. Законы развитія и деградации для него по существу тѣ же, что и для всякой жизненной формы: это всеобщій законъ причинности, примѣняемой до сихъ поръ преимущественно въ видѣ принципа опредѣленнаго дѣйствія, и частная, специально-биологическая формула того же закона—принципъ подбора.

Исходная точка появленія новыхъ и измѣненія старыхъ общественныхъ формъ лежитъ въ измѣнчивости индивидуальной психики подѣ внѣшними влїянїями. Въ предѣлахъ отдѣльной психики регуляторомъ этой измѣнчивости является то своеобразное приспособленіе для развитія, которое мы назвали психическимъ подборомъ. Возникающія такимъ способомъ измѣненія психики подлежатъ дѣйствію всеобщаго подбора, во-первыхъ, въ его наиболѣе частной формѣ,—внутренняго подбора организма, во-вторыхъ, въ болѣе широкой формѣ подбора соціальнаго—результата воздѣйствій со стороны соціальной среды, наконецъ, въ самой широкой формѣ подбора внѣшняго, какъ результата воздѣйствій со стороны среды внѣ-соціальной (при чемъ само собою разумѣется, что такія разграниченія совершенно условны и имѣютъ цѣлю только удобство изслѣдованія).

Проявляясь во внѣшней дѣятельности, новыя индивидуальныя психическія формы однихъ особей выступаютъ, какъ внѣшнія влїанія для психическихъ формъ другихъ особей, и порождаютъ въ нихъ измѣненія, которыя въ свою очередь становятся исходной точкой развитія еще новыхъ индивидуальных психическихъ формъ. Подборъ во всѣхъ его видахъ стремится привести всѣ эти возникающія и развивающіяся психическія формы къ соотвѣтствію съ внутренними и внѣшними условїями существованія общественнаго цѣлаго. Складывающаяся такимъ образомъ система индивидуально-психическихъ формъ является формой общественной, если ея обнаруженія направлены къ сохраненію группы особей. Число формъ возникающихъ и въ соціальной области неизмѣримо больше числа сохраняющихся: на тысячи неудачныхъ приходится одна удачная. Слѣдовательно, и здѣсь подборъ выполняетъ громадную разрушительную работу на ряду съ созидательной; но все-таки работа эта чрезвычайно ускорена и облегчена, по сравненію съ другими областями царства жизни, именно въ силу дѣйствія того замѣчательнаго приспособленія для развитія, какое представляетъ изъ себя строеніе человѣческой психики. Благодаря громадной измѣнчивости психики, ея специальному психическому подбору, и благодаря явленїямъ подражанія, всеобщій подборъ имѣетъ очень богатый и по большей части очень подходящій матеріалъ для развитія.

Развитіе общества есть біологическое развитіе, возрастаніе жизнеспособности общества. Развитіе это измѣряется успѣшностью общественной борьбы за существованіе, т. е. успѣшностью общественного труда. Такова объективная мѣрка соціального развитія.

Особь имѣть субъективную мѣрку для своего личнаго развитія—это ея счастье, соотношеніе ея удовольствій и страданій; ибо страданіе есть отражающееся въ сознаніи пониженіе индивидуальной жизнеспособности, а удовольствіе—ея повышеніе.

Объективное общественное развитіе не всегда совпадаетъ съ субъективнымъ, личнымъ. Они могутъ оказаться во взаимномъ противорѣчій. Но такъ какъ психическій подборъ работаетъ, вообще, для личнаго развитія, то при такомъ противорѣчій онъ не помогаетъ, а скорѣе мѣшаетъ соціальному и всеобщему подбору, поставляя для него по преимуществу неподходящій матеріалъ. Тогда процессъ общественнаго развитія естественно замедляется и становится болѣе болѣзненнымъ, подборъ выступаетъ чаще въ роли истребителя, становится возможной деградация и гибель общественныхъ формъ.

§ 5.

Послѣдовательность развитія общественныхъ формъ.

Та общая формула измѣненій, которая была выведена изъ закона причинности для «пограничныхъ» элементовъ сложныхъ формъ, примѣненная къ процессамъ развитія, дала намъ слѣдующій біологическій законъ:

Въ борьбѣ жизненныхъ формъ за ихъ существованіе новыя формы приспособленія возникаютъ первично въ сферѣ наиболее непосредственныхъ отношеній къ внѣшнему міру, а уже затѣмъ, и притомъ въ зависимости отъ первичныхъ, складываются формы приспособленія въ сферѣ болѣе косвенныхъ отношеній борьбы за жизнь, и т. д.

Законъ этотъ, общій для всѣхъ формъ жизни, мы должны теперь примѣнить къ человѣческому обществу, сложное строеніе котораго можно, дѣйствительно, разложить на различныя области приспособленій съ болѣе непосредственнымъ, и съ болѣе косвеннымъ значеніемъ въ борьбѣ за существованіе общества.

Наиболѣе непосредственныя отношенія общественнаго труда къ внѣшней природѣ составляютъ содержаніе особой группы общественныхъ формъ—тѣхъ, которыя мы назвали техническими. Онѣ то и являются первичными формами соціального приспособленія; онѣ

представляют ту область, съ которой начинается общественное развитие; именно здѣсь измѣняющіяся внѣшнія отношенія раньше всего вызываютъ появленіе новыхъ формъ приспособленія, и уже затѣмъ, въ зависимости отъ развитія этихъ послѣднихъ, складываются и измѣняются другія общественныя формы, съ болѣе косвеннымъ отношеніемъ къ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ.

Вслѣдъ за техническими формами ближайшую связь съ борьбой за жизнь имѣютъ формы социально-производственныя. Онѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ первыми, почти даже неотдѣлимы отъ нихъ. Однако, по скольку мы можемъ ограничить въ своемъ познаніи форму социально-производственную отъ соотвѣтствующей технической, по столько мы должны признать, что развитіе первой слѣдуетъ за развитіемъ второй и имъ вызывается. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно очевидно, что отношенія между людьми въ ихъ борьбѣ съ внѣшней природой имѣютъ для этой борьбы хотя бы и громадное, но менѣе непосредственное значеніе, чѣмъ прямыя отношенія людей къ этой самой внѣшней природѣ.

Третья группа общественныхъ формъ—формы идеологическія являются формами приспособленія общественныхъ особей къ существующимъ техническимъ и социально-производственнымъ формамъ общества. Слѣдовательно, данная группа формъ необходимо должна развиваться въ зависимости отъ двухъ другихъ и вслѣдъ за ними. Исторія формъ идеологическихъ опредѣляется исторіей социально-производственныхъ и техническихъ, а слѣдовательно—прямо или косвенно—исторіей основной группы, формъ техническихъ.

Такова, въ самыхъ общихъ и основныхъ чертахъ, послѣдовательность общественнаго развитія. Подробнѣе мы рассмотримъ ее въ слѣдующихъ главахъ. А теперь возвратимся опять къ исходной точкѣ всякаго развитія—къ внѣшней, въ данномъ случаѣ—внѣ-соціальной средѣ.

Всякое измѣненіе формъ исходитъ извнѣ; такимъ образомъ и для общественнаго процесса исходная точка измѣненій его формы,—въ томъ числѣ и прогрессивныхъ, называемыхъ явленіями развитія, лежитъ во внѣшней средѣ. Исторія внутреннихъ отношеній общества отражаетъ исторію отношеній внѣшнихъ. Силѣю какихъ же вліяній измѣняются эти послѣднія?

Въ безконечной цѣпи причинъ послѣдняго звена нѣтъ и быть не можетъ. Познаніе въ своей ограниченной дѣятельности отыскиваетъ ближайшія изъ этихъ звеньевъ, чтобы отъ нихъ восходить къ болѣе отдаленнымъ. И въ настоящій моментъ насъ занимаетъ вопросъ: гдѣ лежитъ ближайшая причина тѣхъ измѣненій внѣш-

ней для общества природы, которыя въ свою очередь обуславливаютъ измѣненія общественныхъ формъ?

Во внѣшнемъ мірѣ происходитъ рядъ постепенныхъ, послѣдовательныхъ измѣненій такого рода, что причины ихъ, повидимому, находятся внѣ прямой связи съ общественнымъ процессомъ. Таковы измѣненія астрономическія и метеорологическія, и частью біологическія. Измѣряя ихъ, наука приходитъ къ тому выводу, что въ среднемъ они совершаются чрезвычайно медленно, и что если бы общественный процессъ непосредственно отражалъ только ихъ, то масштабомъ для развитія общественныхъ формъ пришлось бы взять вмѣсто вѣковъ—сотни тысячъ лѣтъ. Очевидно, ближаѣйшая причина общественного развитія лежитъ въ какихъ-нибудь болѣе быстрыхъ измѣненіяхъ внѣшняго міра.

Правда, въ числѣ внѣшнихъ измѣненій, происходящихъ внѣ прямой связи съ общественнымъ процессомъ, встрѣчаются и такія, которыя происходятъ сравнительно быстро: землетрясенія, изверженія вулкановъ, наводненія, ураганы... Однако они бывають рѣдко, и наблюденія показываютъ, что роль ихъ чисто разрушительная, а для развитія общества они не даютъ ничего, или почти ничего.

Такимъ образомъ, намъ остается сосредоточить свое вниманіе на той группѣ внѣшнихъ измѣненій, которая находится въ прямой и непосредственной связи съ общественнымъ процессомъ, съ борьбою общественного цѣлаго за его существованіе.

Подобно всякой другой формѣ жизни, общество въ борьбѣ за свое существованіе производитъ во внѣшней средѣ различныя измѣненія. Въ конечномъ анализѣ, и эти измѣненія имѣютъ свою исходную точку не въ обществѣ. Если общество измѣняетъ внѣшнюю природу, то именно благодаря своей жизненной структурѣ—исторически сложившейся, созданной рядомъ предыдущихъ измѣненій, исходившихъ изъ внѣшней среды. Къ этому мы еще вернемся, а теперь для насъ важна другая сторона дѣла,—важно то, что подобно всякимъ другимъ измѣненіямъ, и тѣ, которыя вытекаютъ изъ борьбы общества съ природой, могутъ являться причиной общественного развитія. И не только могутъ, но даже должны быть причиной, и при томъ главной, такъ какъ другія группы измѣненій мы уже исключили изъ своего анализа въ виду ихъ ничтожной роли въ данномъ случаѣ.

Итакъ, въ основѣ наблюдаемаго нами общественного развитія лежитъ измѣненіе внѣшней природы дѣятельностью общества въ его борьбѣ за существованіе.

Та область внѣшняго міра, въ которой общественный трудъ

непосредственно производить измѣненія, не очень обширна, но расширяется съ развитіемъ общества. Ее составляютъ такъ называемыя средства производства, матеріалы и орудія общественнаго труда, непосредственно направленного на внѣшнюю природу.

Средствами труда называются тѣ внѣшніе для человѣка предметы (формы движенія), которые въ процессѣ труда подвергаются измѣненію. Различіе между матеріалами и орудіями для занимающаго насъ вопроса несущественное, и мы избавимъ себя и читателя отъ дальнѣйшихъ опредѣленій.

Средствами производства измѣряется жизнеспособность общества въ каждый данный моментъ, потому что ими для него ограничивается возможность существованія. Съ развитіемъ общества расширяется область средствъ производства, и сами они измѣняются. Процессъ этотъ нерѣдко обозначаютъ неточнымъ терминомъ — «развитіе средствъ производства». Само собой разумѣется, что тутъ развивается только само общество, общественный трудъ.

Мы признали, что развитіе общественныхъ формъ вызывается, главнымъ образомъ, тѣми измѣненіями во внѣшней природѣ, которыя въ свою очередь порождаются общественнымъ трудомъ. — Такая формула можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Можетъ показаться, что передъ нами заколдованный кругъ причинъ и слѣдствій. Вѣдь общественный трудъ, измѣнившій внѣшнюю природу, относится къ содержанію прежнихъ общественныхъ формъ. Положимъ, что онъ также сложились, какъ результатъ внѣшнихъ измѣненій; но вѣдь тѣ измѣненія были опять-таки порождены общественнымъ трудомъ, и т. д. Получается, какъ-будто, прославленное «взаимодѣйствіе», въ которомъ обѣ дѣйствующія другъ на друга причины можно съ одинаковымъ правомъ считать основными. А если признать основной причиной развитія общества общественный трудъ, то законъ инерціи рушится: общественный процессъ развивается «самъ собою», его измѣненія не исходятъ извнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ рушится и производное положеніе о послѣдовательности общественнаго развитія.

Въ подобныя затрудненія попадаетъ познаніе каждый разъ, когда двусторонній процессъ ему удастся представить въ видѣ двухъ непрерывныхъ рядовъ измѣненій, при чемъ отдѣльные члены одного ряда связываются съ отдѣльными членами другого ряда. Волкъ, питаясь зайцами, истребляетъ ихъ, и тѣмъ самымъ производитъ измѣненіе во внѣшнихъ условіяхъ своей жизни, и долженъ самъ же приспособляться къ этимъ измѣненіямъ. Приспособившись, онъ начинаетъ по-прежнему истреблять зайцевъ, чѣмъ создаетъ для себя необходимость новыхъ приспособленій и т. д. — Даже изъ неоргани-

ческаго міра можно привести аналогичные примѣры. Положимъ, въ стаканѣ воды помѣщено большое количество кристалловъ хромовыхъ квасцовъ. Вначалѣ они растворяются; но по мѣрѣ того, какъ вода превращается въ растворъ, ходъ растворенія замедляется; когда, наконецъ, водяная среда кристалловъ измѣнится настолько, что превратится въ насыщенный растворъ, тогда въ самыхъ кристаллахъ происходятъ измѣненія уже новаго типа: оставшіеся кусочки начинаютъ собираться въ одинъ большой кристаллъ. Измѣняя свою среду, хромовые квасцы измѣняютъ ея вліяніе на собственное строеніе. — Если ограничиться этими наблюденіями и не принимать во вниманіе предшествующей исторіи кристалловъ, которая ихъ создала и привела въ соприкосновеніе съ водою, то можно и въ этомъ случаѣ прійти къ выводу, что данный процессъ самъ по себѣ измѣняетъ свою форму, потому что измѣняетъ свою среду.

Признать общественный трудъ первою причиною общественнаго развитія нельзя хотя бы потому, что и этотъ трудъ, и общество существовали не всегда, что внѣшняя среда существовала раньше ихъ и дала имъ начало. Рядъ внѣшнихъ причинъ развитія лежитъ въ основѣ ряда внутреннихъ уже на томъ основаніи, что второй рядъ конеченъ, а первый—безконеченъ.

Допуская, что формы общества измѣняются въ силу внутреннихъ причинъ, мы сразу сдѣлали бы непонятными для себя всѣ тѣ факты, когда измѣненія этихъ формъ вызываются причинами явно внѣшними, не зависящими отъ общественного труда. Необычное сочетаніе атмосферныхъ и астрономическихъ условій можетъ для земледѣльческой страны послужить толчкомъ къ немалымъ измѣненіямъ общественныхъ формъ, какъ это наблюдается при особенно большихъ урожаяхъ или сильныхъ неурожаяхъ ¹⁾).

Общественная форма, вполнѣ разлагаясь на нѣкоторый рядъ психическихъ формъ, необходимо подлежитъ общему закону причинности, и не можетъ развиваться «сама по себѣ», если только подлечь закону причинности и не развиваются сами по себѣ ея элементы—формы психическія.

Общественная наука имѣетъ дѣло съ наиболѣе сложными изъ извѣстныхъ намъ явленій. Въ ихъ сложности легко запутаться, смѣшать начала и концы. Поэтому было особенно важно подчеркнуть ту мысль, что и въ этой области господствуютъ тѣ же законы, ко-

¹⁾ Пусть читатель обратитъ вниманіе на то, что въ этомъ примѣрѣ мы говоримъ только о причинахъ, прямо вызывающихъ измѣненія въ обществахъ. Опредѣляется характеръ этихъ измѣненій всей предыдущей исторіей общества и его среды.

которые даны намъ познаніемъ остальной природы, что всеобщая причинность и здѣсь не сталкивается съ противорѣчіемъ.—Правда, приходится довольствоваться весьма неполнымъ примѣненіемъ причинности,—ея первой, неопредѣленной формулировкой. Но и законъ инерціи даетъ уже, какъ мы видѣли, извѣстную точку опоры для познанія, указываетъ хотя то общее направленіе, въ которомъ оно должно работать.

Въ короткихъ словахъ, вотъ наши выводы по вопросу о послѣдовательности общественнаго развитія.

Космическія измѣненія, происходящія внѣ прямой связи съ общественнымъ процессомъ, имѣютъ для наблюдаемаго нами общественнаго развитія крайне ничтожное непосредственное значеніе, которымъ можно, вообще говоря, пренебречь въ такомъ приблизительномъ анализѣ, какъ нашъ.

Въ основѣ общественнаго развитія лежатъ тѣ измѣненія внѣшней природы, которыя являются прямымъ результатомъ общественнаго труда. Область этихъ измѣненій называется общественными средствами производства.

Въ зависимости отъ измѣненій въ средствахъ производства совершается развитіе общественныхъ формъ. Первичными изъ этихъ формъ приспособленія являются формы техническія; онѣ складываются подъ наиболѣе непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ измѣненій. Въ зависимости отъ техническихъ измѣняются тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ ними формы соціально-производственныя, формы взаимныхъ отношеній людей при непосредственной трудовой борьбѣ съ природой.—Формы идеологическія, будучи результатомъ приспособленія общественныхъ особей къ ихъ техническимъ и соціально-производственнымъ отношеніямъ, развиваются подъ вліяніемъ измѣненій, происходящихъ въ первыхъ двухъ группахъ формъ.

Относительность разграниченій подразумевается сама собою.

§ 6.

Техническія формы общественнаго процесса.

Въ соціологической литературѣ нерѣдко употребляется терминъ «общественныя производительныя силы». Его значеніе не отличается особенной опредѣленностью. Если понимать подъ нимъ ту сумму энергіи, которой общество въ данный періодъ времени располагаетъ для непосредственной борьбы съ природой, то производительныя силы означаютъ, очевидно, то же самое, что вся система техническихъ общественныхъ формъ.—Но обыкновенно въ понятіе «производитель-

ныхъ силъ» включаютъ не только техническія формы общества, но и находящіяся въ его распоряженіи средства производства. Этимъ прекрасно подчеркивается единство общественного процесса со внѣшними процессами природы, но зато создаются также благоприятныя условія для спутыванія различныхъ областей познаваемыхъ формъ. Если мы въ своемъ познаніи не включаемъ логовище медвѣдя и тѣхъ зайцевъ, которыхъ онъ ловитъ, въ составъ медвѣжьяго жизненнаго процесса, то неправильно также сливать во-едино общественныя формы съ элементами внѣшней среды, неправильно считать внѣшнія матеріальныя условія существованія общественного процесса составной частью среды соціальной. Конечно, техническія формы немислимы внѣ связи съ тѣми средствами производства, которымъ онѣ соотвѣтствуютъ,—но это означаетъ только то, что общество немислимо внѣ связи съ остальной природой, и ничего больше.

Итакъ, возникновеніе и развитіе новой технической формы вызывается, обусловливается измѣненіями во внѣшнихъ для общества отношеніяхъ, выражаясь болѣе конкретно—въ средствахъ производства. Но чѣмъ опредѣляется характеръ новой формы, ея судьба, ходъ ея развитія? Конечно, уже не одними внѣшними измѣненіями, а согласно закону причинности—всей исторически данной структурой общества, всей исторической суммой его техническихъ, экономическихъ и идеологическихъ формъ (пусть читатель припомнить выводной законъ измѣненія сложныхъ формъ).

Такимъ образомъ, для насъ не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, что судьба аналогичныхъ изобрѣтеній и техническихъ заимствованій при различныхъ общественныхъ условіяхъ весьма различна.

Ткацкій и прядильный станокъ не разъ изобрѣтались уже въ 17 вѣкѣ, потому что предыдущее техническое развитіе уже создало возможность появленія этихъ орудій и соотвѣствующихъ имъ техническихъ формъ. Денисъ Папенъ строилъ около того же времени первыя паровыя машины. Но вся существовавшая тогда система соціально-производственныхъ и идеологическихъ формъ (господство ремесленно-цеховыхъ отношеній, еще не подорванное окончательно) стояла въ противорѣчій съ новыми изобрѣтеніями и не позволяла развиться соотвѣственнымъ техническимъ формамъ—машиннаго производства. Изобрѣтенія погибали—нерѣдко, за одно съ ними погибали и изобрѣтатели. Такъ дѣйствовалъ соціальныя подборъ.—Только ко второй половинѣ 18-го вѣка экономика и идеологія развились настолько, что машинное производство стало возможно; влія-

нія, разрушающія новую общественную форму, были уравновѣшены вліяніями, благоприятными для ея сохраненія. Тогда механическія изобрѣтенія стали свободно проникать въ область производства.

Чтобы примѣръ нашъ не подалъ повода къ недоразумѣніямъ, мы напомнимъ, что тѣ измѣненія формъ соціально-производственныхъ и идеологическихъ, которыя сдѣлали возможнымъ машинное производство, которыя устранили стоявшія на его пути препятствія, произошли не сами собою: они были порождены непрерывно накапливавшимися воздѣйствіями изъ области техники. Тѣ же самыя условія, благодаря которымъ стало возможнымъ появленіе механическихъ изобрѣтеній, ¹⁾ постепенно вліяя на экономику и идеологию общества, ослабили и парализовали дѣйствіе силъ, не допускавшихъ развитія механическихъ приспособленій.

То, что указано сейчасъ по отношенію къ формамъ техническимъ, примѣнимо и къ всякимъ другимъ общественнымъ формамъ: судьба, характеръ развитія каждой новой возникающей общественной формы, соціально-производственной или идеологической, опредѣляется не только тѣми вліяніями, которыя вызвали ея возникновеніе, но также всѣмъ исторически даннымъ строеніемъ общества, всею системою сложившихся общественныхъ формъ.

§ 7.

Формы соціально-производственныя.

Соціально - производственныя формы представляютъ отдѣльность и единство тѣхъ процессовъ, которые внѣшнимъ образомъ выражаются во взаимныхъ отношеніяхъ людей при непосредственной борьбѣ общества съ природою. Это—основная группа общественныхъ формъ, основная въ томъ смыслѣ, что всѣ другія формы—техническія и идеологическія—могутъ признаваться общественными лишь постольку, поскольку онѣ неразрывно связаны съ формами соціально-производственными, включаютъ въ себя ихъ элементы. Ибо само общественное цѣлое есть форма соціально-производственная по преимуществу. Первичныя соціально-производственныя формы теряются во мракѣ біологическаго періода, когда общество людей своимъ развитіемъ не выдѣлялось изъ другихъ животныхъ обществъ.

По своей простотѣ и элементарности, тѣ формы сотрудничества, которыя можно найти въ первобытно-родовыхъ группахъ, повиди-

¹⁾ Главнымъ образомъ, какъ извѣстно, техника мануфактуръ, а также развитіе способовъ взаимнаго сообщенія между людьми, расширившее область общественнаго труда.

мому, весьма недалеко ушли отъ формъ первичныхъ, отъ формъ животной семьи. Въ родовой группѣ существуетъ только простая кооперация, основанная главнымъ образомъ на подражаніи, да крайне слабыя зародыши раздѣленія труда, вытекающіе изъ физиологическихъ различій пола и возраста. Такая несложность формъ сотрудничества опредѣляется совершенно неразвитой, почти зародышевой техникой производства. Каждый легко научается дѣлать все то, что дѣлаютъ другіе, и почти одинаково съ другими. Производственныя формы характеризуются здѣсь по преимуществу с х о д с т в о м ъ тѣхъ индивидуально-психическихъ формъ, изъ которыхъ онѣ складываются. Подобныя общественныя формы, основанныя на сходствѣ ролей отдѣльныхъ особей въ общественномъ трудѣ, мы назовемъ симметрическими. Раздѣленіе труда есть, напротивъ, асимметричная общественная форма, такъ какъ сущность его заключается во взаимной связи и соотвѣтствіи различныхъ ролей въ производствѣ, различныхъ психическихъ формъ у отдѣльныхъ особей.

Итакъ, первобытно-родовыя производственныя отношенія отличались симметричнымъ характеромъ, который лишь въ незначительной степени нарушался зародышевымъ раздѣленіемъ труда.—Развитіе техники постепенно создаетъ асимметрію въ общественныхъ отношеніяхъ.

По мѣрѣ того какъ расширяется область матеріальныхъ условій общественнаго труда, техническія формы становятся сложнѣе. Разнообразіе средствъ производства дѣлаетъ полезной спеціализацію труда, его раздѣленіе. Существующіе зародыши асимметричныхъ формъ сотрудничества развиваются тѣмъ легче, что размѣры общества больше, чѣмъ прежде, и если нѣкоторые его члены спеціализируются въ менѣе существенныхъ для сохраненія жизни сферахъ труда, положимъ въ различныхъ ремеслахъ индійской общины,—то отъ этого не страдаютъ основныя, первичныя области производства—добываніе пищи и приготовленіе одежды.

Какъ мы сказали, родовое общество возрастаетъ въ своихъ размѣрахъ. Если бы это возрастаніе зависѣло только отъ факта размноженія, то оно совершалось бы чрезвычайно быстро и заходило бы очень далеко, потому что размноженіе есть такой процессъ, который въ своемъ чистомъ, не затемненномъ внѣшними вліяніями видѣ стремится безконечно увеличивать размѣры общества. Но, при данныхъ техническихъ условіяхъ общественнаго труда, подобное возрастаніе можетъ идти только до извѣстныхъ предѣловъ.—При добываніи жизненныхъ средствъ охотою въ умѣренномъ климатѣ область эксплуатаціи, необходимая для пропитанія 20 человѣкъ, рав-

няется среднимъ числомъ квадратной милѣ (больше 50 квадрат. километровъ). Прибавимъ къ этому тѣ несовершенные способы перемѣщенія и сообщенія, которые даются первобытной техникой, и станетъ ясно, что та тѣсная социальная связь, которая свойственна родовой группѣ, не можетъ охватывать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ болѣе, какъ нѣсколько десятковъ человекъ. Если размноженіе переходитъ этотъ предѣлъ, родъ распадается или уменьшается путемъ усиленной смертности.

Съ развитіемъ техники родовое общество получаетъ возможность увеличиваться путемъ размноженія. При кочевомъ скотоводствѣ въ томъ же климатѣ на квадратной милѣ можетъ прокормиться человекъ 70, и возрастаніе группы можетъ идти до нѣсколькихъ сотъ человекъ, тѣмъ болѣе, что способы сообщенія въ техникѣ скотоводства много лучше, чѣмъ при охотѣ (ѣзда на лошадахъ или оленяхъ).—Примитивные способы земледѣлія, соединенные со скотоводствомъ, еще раза въ 3—4 увеличиваютъ возможность расширенія родового общества...

Возвращаясь къ вопросу о развитіи формъ сотрудничества. Улучшеніе техники само по себѣ стремится создать асимметричныя производственныя отношенія, а связанное съ нимъ расширеніе рамокъ группы еще способствуетъ этому. Изъ возникающихъ формъ раздѣленія труда одна имѣетъ особенно важное значеніе для дальнѣйшаго развитія,—это раздѣленіе труда организаторскаго и исполнительскаго. Размѣры и сложность общественнаго производства дѣлаютъ все болѣе необходимой такую спеціализацию, и постепенно оно складывается само собою. Начинается съ того, что въ общемъ совѣтѣ группы объ общихъ дѣлахъ приобрѣтаетъ все большее значеніе голосъ старшихъ и наиболѣе опытныхъ членовъ рода. Остальные мало-по-малу привыкаютъ во всемъ на нихъ полагаться, и постепенно сосредоточиваютъ свою дѣятельность на болѣе легкихъ дѣлахъ простого исполненія, а самую тяжелую для некультурныхъ людей работу размышленія и соображенія, связанную съ организаторскою ролью, сваливаютъ на болѣе приспособленныхъ къ этой работѣ людей съ болѣе широкимъ жизненнымъ опытомъ. Такъ дѣло обстоитъ у большинства дикихъ племенъ нашего времени.

Узкое, чисто родовое общество съ теченіемъ времени перестаетъ быть единственной формой общества, и создаются связи болѣе широкія. Только въ самую раннюю эпоху жизни человѣчества распадненіе родовой группы соединялось съ полнымъ прекращеніемъ совместности въ борьбѣ за жизнь вновь образовавшихся отдѣльныхъ общинъ.—Вначалѣ общественная связь родственныхъ другъ другу

групъ выражалась по преимуществу въ нѣкоторыхъ коллективныхъ дѣйствіяхъ, объединявшихъ эти группы въ простую кооперацію: совмѣстная борьба противъ особенно сильныхъ звѣрей, вродѣ льва, мамонта, стадныхъ хищниковъ и травоядныхъ; совмѣстная защита отъ вторгающихся въ страну враждебныхъ племенъ... Но съ возрастаніемъ разнообразія средствъ производства и техническихъ приѣмовъ, съ улучшеніемъ техники перемѣщенія, взаимныя отношенія группъ становятся сложнѣе; ихъ совмѣстность въ борьбѣ за жизнь принимаетъ характеръ асимметричной коопераціи, характеръ раздѣленія труда. Однѣ изъ общинъ развиваютъ—на пользу себѣ и другимъ общинамъ—одни способы борьбы съ природою, другія развиваютъ другіе способы, въ результатѣ получается возрастаніе власти людей надъ природою, и въ то же время скрѣпленіе общественной связи различныхъ группъ, такъ какъ съ раздѣленіемъ труда между ними возрастаетъ ихъ взаимная зависимость въ производствѣ, и сношенія между ними учащаются.

Не такова судьба тѣхъ общественныхъ формъ, которыя соотвѣтствуютъ внутреннимъ связямъ родовыхъ общинъ. Съ усиленіемъ асимметріи внутри-родовыхъ формъ исчезаетъ прежняя тѣсная сплоченность родовой общины, которая основывалась на величайшей близости, почти тождествѣ психологіи отдѣльныхъ особей. Раздѣленіе труда уже само по себѣ вноситъ значительныя различія въ психическій складъ личностей, играющихъ различную роль въ производствѣ. Въ идеологическихъ формахъ, возникающихъ изъ раздѣленія труда, (главнымъ образомъ, обмѣнъ),—эти различія становятся еще рѣзче и, какъ увидимъ дальше, ведутъ даже къ нѣкоторымъ внутреннимъ противорѣчіямъ во взаимныхъ отношеніяхъ особей, тѣмъ болѣе ослабляющимъ внутри-родовыя связи.

Между-общинныя формы сотрудничества расширяются и укрѣпляются; но пока эти формы остаются асимметричными, взаимная связь общинъ не можетъ сплотить ихъ въ такое же тѣсное общество, какъ прежнее родовое. Напротивъ, внутри-общинныя связи ослабѣваютъ и становятся менѣе прочными, по мѣрѣ того какъ формы сотрудничества въ родовой группѣ теряютъ свою симметрію. Въ результатѣ такого двойного процесса, внутреннія и внѣшнія связи общины постепенно перестаютъ отличаться другъ отъ друга по своей прочности, и древняя община какъ-бы расплывается въ гораздо болѣе обширномъ, асимметрически развитомъ обществѣ позднѣйшихъ временъ.

Однако, на этомъ дѣло не останавливается. Дальнѣйшее развитіе техники, стремясь уменьшить затрату человѣческой энергіи по

сравненію съ полезными результатами этой затраты, создаетъ все болѣе и болѣе простыя техническія приемы, такъ что соотвѣствующія психическія формы становятся все болѣе несложными. Такъ, при техническомъ раздѣленіи труда, которое существуетъ въ мануфактурахъ, дѣятельность каждаго работника отливается въ форму одной сравнительно очень простой привычки. Еще дальше идетъ упрощеніе техническихъ приемовъ съ изобрѣтеніемъ и распространеніемъ машинъ. Въ машинномъ производствѣ всѣ техническія приемы не только до послѣдней крайности упрощаются, но сверхъ того становятся весьма сходны между собой, такъ какъ постепенно сводятся къ простому надзору за различными машинами. Такимъ образомъ, несмотря на высшую степень раздѣленія труда, техническія формы и за ними формы сотрудничества вновь становятся весьма симметричными.

Несимметричной формой сотрудничества всего дольше остается разграниченіе труда организаторскаго и исполнительскаго. Судьба этой формы такова.—При тѣсной взаимной связи и зависимости различныхъ областей общественнаго труда, въ дѣятельности организаторовъ долгое время существуетъ лишь самая слабая связь, благодаря тому, что форма сотрудничества между ними имѣетъ несимметричный характеръ, и что ихъ дѣятельность остается неорганизованной. Общество представляется неорганизованнымъ сочетаніемъ организованныхъ трудовыхъ общинъ (хозяйствъ, предприятий). Значительная самостоятельность этихъ трудовыхъ общинъ въ производственномъ процессѣ при широкомъ раздѣленіи труда между ними, которое дѣлаетъ совершенно невозможнымъ для нихъ отдѣльное, изолированное существованіе, приводитъ къ нѣкоторой неприспособленности общественнаго цѣлаго въ его борьбѣ за жизнь. Неприспособленность эту легче будетъ понять и представить себѣ, если мы прибѣгнемъ къ аналогіямъ. Положимъ, что въ обширной родовой группѣ каждый ея членъ самъ выбираетъ себѣ роль въ ея общемъ производствѣ, не подчиняясь волѣ организатора и не справляясь съ намѣреніями и стремленіями другихъ членовъ общины. Могло бы возникнуть значительное несоотвѣтствіе въ затратахъ труда на различныя области производства—масса труда, потраченнаго безполезно рядомъ съ недостаткомъ въ необходимомъ трудѣ ¹⁾.—Сравненіе еще болѣе грубое: организмъ, элементы кото-

¹⁾ Аналогія недостаточна въ томъ отношеніи, что примѣръ не захватываетъ формъ распределенія, о которыхъ рѣчь впереди. Процессъ распределенія въ новѣйшемъ обществѣ отличается характеромъ неорганизованности еще въ большей степени, чѣмъ производственный, и благодаря этому социальное цѣлое оказывается тѣмъ менѣе приспособленнымъ.

раго, будучи связаны между собою въ процессахъ питанія, совершенно независимо другъ отъ друга реагируютъ на внѣшнія вліянія.

Подобно тому какъ въ отдѣльныхъ организмахъ развитіе стремится создать единую организацію всѣхъ жизненныхъ процессовъ; подобно тому какъ въ родовой общинѣ оно создаетъ организующую силу въ видѣ воли коллективной или индивидуальной,—и въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ оно стремится разными путями создать такую форму приспособленія, которая обезпечивала бы постоянное соотвѣтствіе между затратами общественного труда и условіями наибольшей жизнеспособности общественного цѣлаго. Неприспособленность общества обостряетъ дѣйствіе измѣнчивости и подбора, а подборъ въ различныхъ его видахъ старательно подхватываетъ и сохраняетъ всякія измѣненія общественныхъ формъ, направленные въ сторону болѣе широкой организаціи общественного труда, уничтожая измѣненія противоположнаго характера. Эта дѣятельность подбора проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; такъ, подборъ соціальный разрушаетъ тѣ трудовыя общины, въ которыхъ трудъ организованъ въ меньшихъ размѣрахъ и, сохраняя предприятия съ болѣе широко объединеннымъ трудомъ, позволяетъ имъ расти на счетъ поглощенія элементовъ первой группы ¹⁾; подборъ психическій поддерживаетъ и развиваетъ въ особяхъ - организаторахъ стремленіе «накапывать», т. е., между прочимъ, объединять подъ своимъ главенствомъ индивидуальныя трудовыя процессы, все въ большемъ количествѣ, и т. д... Если бы подборъ соціальный и психическій не находилъ достаточнаго матеріала для развитія въ этомъ направленіи, то съ возрастаніемъ общественного цѣлаго росло бы взаимное несоотвѣтствіе между различными областями технического и идеологическаго процесса, росла бы неприспособленность общества къ условіямъ его борьбы за существованіе, и въ концѣ концовъ подборъ всеобщій долженъ былъ бы разрушить деградирующую жизненную форму.

Отмѣтимъ, наконецъ, тотъ фактъ, что по мѣрѣ возрастанія сложности отдѣльныхъ организованныхъ элементовъ общественного тех-

¹⁾ И въ сферѣ идеологической устраняются подборомъ тѣ формы, которыя препятствуютъ широкому объединенію труда, и создаются формы, при которыхъ оно легче можетъ прогрессировать. Такъ, исчезаютъ и вытѣняются новыми—формы феодальныя и цеховыя, не допускающія значительнаго развитія организаціи труда; въ объединенныхъ трудовымъ процессомъ особяхъ растетъ и развивается чувство общественной солидарности и стремленіе къ взаимной поддержкѣ—идеологическія условія, наиболѣе благоприятныя для возрастающаго объединенія общественныхъ трудовыхъ процессовъ. Въ томъ же направленіи подбираются идеологическія формы общественной борьбы.

ническаго процесса, роль организаторская отъ отдѣльной особи переходитъ ко все болѣе обширнымъ группамъ (многочисленная администрація капиталистическихъ предпріятій, достигающая особенно громадныхъ размѣровъ въ предпріятіяхъ синдикатныхъ; участіе англійскихъ и американскихъ профессиональныхъ союзовъ въ опредѣленіи условій труда и т. д.)... Такимъ образомъ является основаніе думать, что съ дальнѣйшимъ прогрессомъ общественной борьбы за существованіе будетъ ослабѣвать и тотъ элементъ асимметріи производственныхъ формъ, который соотвѣтствуетъ рѣзкому отграниченію труда организаторскаго отъ исполнительскаго.

Такъ совершалось, съ развитіемъ примовъ общественнаго труда, измѣняющаго внѣшнюю природу, развитіе формъ сотрудничества отъ простѣйшей кооперации, каковая существуетъ въ рамкахъ первобытнаго рода, мало отличающагося отъ семьи животныхъ, до той высшей ступени сотрудничества и раздѣленія труда, которая наблюдается въ наше время и охватываетъ уже почти все человѣчество. Симметричныя первобытныя формы сотрудничества переходятъ въ формы асимметричныя, которыя съ дальнѣйшимъ развитіемъ обнаруживаютъ тенденцію стать вновь симметричными.

§ 8.

Формы распредѣленія.

Содержаніе общественнаго труда не заключается въ непосредственной ассимиляціи внѣшней энергіи членами общества; оно сводится только къ тому, чтобы производить въ элементахъ внѣшней природы, въ средствахъ производства, рядъ такихъ измѣненій, послѣ которыхъ эти элементы принимаютъ видъ непосредственно ассимилируемой людьми внѣшней энергіи, превращаются въ такъ называемыя «средства потребленія». — Заяцъ, бѣгающій по лѣсу, не можетъ быть непосредственно потребленъ людьми; но пройдя черезъ процессъ производства, т. е. будучи выслѣженъ, убитъ и зажаренъ на вертелѣ, онъ становится средствомъ потребленія, такой формой энергіи, которую люди способны прямо ассимилировать.

Итакъ, смыслъ общественнаго труда, его конечная цѣль—это индивидуальное потребленіе (точнѣе, сохраненіе общества въ лицѣ особей).

На границѣ двухъ процессовъ—общественнаго и индивидуальнаго—лежитъ третій, играющій роль необходимой связи между ними. Въ процессѣ распредѣленія общественные продукты превращаются въ индивидуальныя средства потребленія; этотъ третій

процессъ имѣть слѣдовательно социальное начало и индивидуальный конецъ.

Распределение не слѣдуетъ смѣшивать съ перемѣщеніемъ, передвиженіемъ продуктовъ въ предѣлахъ общества. Это перемѣщеніе является только частью общественнаго производственнаго процесса, такъ какъ оно есть также фактъ общественнаго труда, производящій полезныя для общества измѣненія во внѣшней природѣ. Распределение заключается не въ простомъ перемѣщеніи продуктовъ, а въ томъ, что они изъ сферы общественнаго труда переходятъ въ сферу индивидуальнаго пользованія, что общество перестаетъ имѣть дѣло съ ними, а особь начинаетъ воздѣйствовать на нихъ уже не зависимо отъ общества, сообразно со своими чисто личными цѣлями.

Распределение есть процессъ взаимодѣйствія между обществомъ и особью. Оно состоитъ въ томъ, что общественный продуктъ признается съ извѣстнаго момента индивидуальнымъ средствомъ потребленія. При этомъ продуктъ не подвергается никакимъ новымъ измѣненіямъ или перемѣщеніямъ, никакой новой обработкѣ, и самъ по себѣ остается совершенно тѣмъ же, чѣмъ былъ. Такимъ образомъ, распределение есть процессъ чисто идеологическій, онъ происходитъ только въ головахъ членовъ общества, и состоитъ въ томъ, что измѣняется отношеніе людей къ продукту ихъ труда.

Итакъ, процессъ распределения относится къ области идеологій, и соотвѣтствующія ему общественныя формы суть идеологическія формы. Отношенія распределительныя для общественнаго процесса являются болѣе косвенными отношеніями борьбы съ внѣшней природой, чѣмъ техническія и социально-производственныя. Только благодаря той связи между особями, какая существуетъ въ процессѣ производства, становятся возможными и необходимыми ихъ взаимныя распределительныя отношенія. Такимъ образомъ, въ процессѣ распределения люди приспособляются къ своимъ социально-производственнымъ отношеніямъ; а изъ этого слѣдуетъ, что исторія формъ распределительныхъ опредѣляется исторіей социально-производственныхъ, что измѣненія первыхъ вызываются и обусловливаются измѣненіями вторыхъ, а черезъ ихъ посредство—измѣненіями формъ техническихъ.

Разсмотримъ конкретнѣе соотношенія развитія, существующія между формами социально-производственными и распределительными.

Симметричнымъ производственнымъ формамъ первобытно-родовой

общины соответствует опредѣленный типъ распредѣленія, который можно характеризовать такъ: каждому столько, сколько необходимо для поддержанія его жизни и выполнения его общественной роли. При этомъ организаторская роль въ распредѣленіи, подобно тому какъ и въ производствѣ, принадлежитъ самой общинѣ въ ея цѣломъ.

Развивающееся раздѣленіе труда въ началѣ почти не измѣняетъ этой формы распредѣленія. Только переходъ организаторской роли въ производствѣ къ старшему члену рода, естественно, влечетъ за собой переходъ къ нему организаторской роли и въ распредѣленіи. Это постоянно наблюдается также въ послѣдующемъ развитіи общества: организаторъ производства—патріархъ, рабовладѣлецъ, феодалъ, цеховой мастеръ, капиталистъ—является въ то же время организаторомъ распредѣленія; утрата первой роли влечетъ за собою утрату второй—какъ увидимъ, не сразу.

Изъ этого слѣдуетъ тотъ очень важный выводъ, что организаторъ распредѣленія—единичный или коллективный—существуетъ обыкновенно только тамъ, гдѣ существуетъ организаторъ производства. Если нѣтъ перваго, то нѣтъ и второго.

Припомнимъ, что вначалѣ формы сотрудничества между родственными другъ другу общинами имѣютъ симметричный характеръ: простая кооперация въ такихъ крупныхъ предпріятіяхъ, какъ защита отъ самыхъ сильныхъ звѣрей, отъ иноплеменниковъ, какъ охота за большими стадными животными... Организаторская роль въ подобныхъ коллективныхъ предпріятіяхъ принадлежитъ или самимъ общинамъ въ ихъ совокупности, или ихъ старѣйшинамъ¹⁾; то же самое относится и къ организаторской роли въ распредѣленіи добычи отъ подобныхъ предпріятій.

Когда съ развитіемъ связей между родовыми группами возникаетъ общественное раздѣленіе труда, т. е. асимметричная форма сотрудничества между ними,—тогда является и новая форма распредѣленія.

При асимметричномъ сотрудничествѣ между общинами нѣтъ общаго организатора производства, который стоялъ бы надъ ними; выполнять эту роль немислимо ни отдѣльнымъ людямъ, ни общему совѣту всѣхъ членовъ общества, первое потому, что общество уже слишкомъ громадно, второе потому, что оно сравнительно слабо

¹⁾ Въ послѣднемъ случаѣ формы сотрудничества нельзя, конечно, назвать вполне симметричными; но ихъ асимметрія касается только внутри-общинныхъ, а не между-общинныхъ отношеній; послѣднія остаются симметричными.

сплочено. Общая, сознательная организація производства такимъ образомъ отсутствуетъ; слѣдовательно, нѣтъ и соответственной организаціи распредѣленія. Новая форма распредѣленія отличается именно отсутствіемъ общей организаціи. Эта форма называется обмѣномъ.

Обыкновенно возникновеніе обмѣна представляютъ себѣ въ слѣдующемъ, чрезчуръ простомъ, даже идиллическомъ видѣ. Встрѣчаются двѣ совершенно самостоятельныя общины, изъ которыхъ одна производитъ въ избыткѣ хлѣбъ, а другая желѣзо. Одной изъ нихъ, а то и обѣимъ сразу, приходитъ тогда счастливая мысль: «дайте намъ вашего желѣза, а мы за это дадимъ вамъ своего хлѣба». Прекрасная идея приводится въ исполненіе, и два общества соединились въ одно въ процессѣ распредѣленія; ибо во всякомъ случаѣ обмѣнъ есть форма распредѣлительная, а не какая либо иная.

Однако, очевидно, что вышеуказанная простая и счастливая мысль предполагаетъ уже вполне развитую мѣновую психологію, такъ что для насъ остается совершенно невыясненнымъ вопросъ, откуда же взялась самая идея обмѣна. «Выдумать» ее было бы дѣломъ слишкомъ хитрымъ даже для тысячи геніевъ, которые не имѣли бы матеріала для этой идеи въ привычныхъ отношеніяхъ.

Если обмѣну предшествовало коммунистическое распредѣленіе первобытной общины, то, разумѣется, обмѣнъ и могъ возникнуть только изъ этого первобытнаго распредѣленія, конечно, въ зависимости отъ вліянія развивающихся социальнo-производственныхъ формъ.

Какимъ же именно способомъ могъ совершаться переходъ старой формы въ новую? Отмѣчаемъ нѣкоторые факты, которые довольно ясно указываютъ на вѣроятное рѣшеніе этого вопроса.

Во - первыхъ, продолжительныя совмѣстныя охоты нѣсколькихъ родственныхъ группъ, охоты, во время которыхъ коммунистическое распредѣленіе охватываетъ уже не одну, а нѣсколько общинъ.

Во-вторыхъ, многократно замѣченное путешественниками равнодушіе дикарей различныхъ племенъ къ личной собственности. Въ чемъ дикарь въ данный моментъ не имѣетъ непосредственной надобности, то у него стѣбитъ только попросить, и онъ спокойно отдаетъ. Иногда онъ даже не обращаетъ въ подобныхъ случаяхъ вниманія на то, что у него берутъ вещь безъ его предварительнаго согласія.

Въ - третьихъ, обычай обмѣна подарками у многихъ «гостепріимныхъ» племенъ.

Приходится думать, что съ распаденіемъ родовыхъ группъ вновь образовавшіяся общины сохраняли извѣстные элементы взаимнаго коммунистическаго распредѣленія, соответствующаго сохранившимся элементамъ сотрудничества. При встрѣчахъ члены одной общины могли спокойно брать у членовъ другой то, что не было тогда необходимо этимъ послѣднимъ. Подобное обирание чаще всего совершалось взаимно, однако оно не было обмѣномъ, такъ какъ, во-первыхъ, взаимность не была вполнѣ обязательной, и во-вторыхъ, отсутствовало стремленіе взять какъ можно больше: брали сообразно съ непосредственно ощущаемой потребностью.

Однако, представленіе о взаимности стало съ теченіемъ времени проникать въ эту своеобразную форму распредѣленія. Дѣло должно было происходить такимъ образомъ. Въ иныхъ случаяхъ за энергичнымъ обираниемъ одной группы другою первая начинала испытывать недостатокъ въ жизненныхъ средствахъ. Тогда, по совершенно понятной ассоціаціи представленій, члены ея обращались именно къ той общинѣ, которая послѣднею обобрала ихъ излишки, тѣмъ болѣе что обыкновенно это была и ближайшая изъ родственныхъ общинъ. Повтореніе подобныхъ случаевъ закрѣпляло привычку брать у тѣхъ, кто самъ бралъ. Такъ какъ при томъ въ этой формѣ распредѣленія еще не было элементовъ антагонизма—отдавали охотно и брали безъ жадности ¹⁾—то ее всего правильнѣе назвать формою обмѣна подарковъ.—Однако, съ ухудшеніемъ жизненныхъ условий, являвшихся въ результатъ напр. абсолютнаго перенаселенія (чрезмѣрное размноженіе), должна была возникнуть жадность, а за нею, благодаря тѣмъ страданіямъ, которыя она влекла за собою, и антагонизмъ обмѣнивающихся сторонъ, стремленіе взять больше и дать меньше. Возраставшая несимметричность производственныхъ отношеній (раздѣленіе труда), создавая значительныя различія психологій, еще облегчала развитіе этого антагонизма и окончательно превратила обмѣнъ подарковъ въ обмѣнъ товаровъ.

То, что происходило между общинами, происходило и внутри изъ съ развитіемъ асимметріи производственныхъ формъ и ослабленіемъ связи между членами общинъ. Такъ все общество становилось мѣновымъ.

Врядъ ли возможно инымъ способомъ объяснить происхожденіе мѣновой формы распредѣленія. Но если это объясненіе не удовлетворяетъ читателя, то пусть онъ все-же не забываетъ, что во-пер-

¹⁾ Чувство личной собственности и личнаго интереса тогда почти совершенно отсутствовало. Да и зачѣмъ дикарю брать больше, чѣмъ возможно прямо потребить?

выхъ, подобная сложная общественная форма могла возникнуть только съ величайшей постепенностью изъ существовавшихъ раньше болѣе простыхъ общественныхъ формъ той-же области, и что во-вторыхъ мѣняться товарами могутъ только люди, уже принадлежащіе къ одному производственному обществу ¹⁾).

Обмѣнъ есть распредѣлительная форма, соответствующая асимметричнымъ социальнымъ производственнымъ отношеніямъ, именно тому ихъ типу, который называется неорганизованнымъ раздѣленіемъ труда. Организованнымъ же слѣдуетъ признать такое раздѣленіе труда, при которомъ трудъ, организующій все общественное производство, отдѣленъ отъ труда исполнителей или частныхъ организаторовъ, и составляетъ дѣло отдѣльнаго лица, какъ въ родѣ патриархальномъ, или совѣта всей общины, какъ въ первобытной группѣ.

Намъ незначѣмъ излагать здѣсь процессъ развитія мѣнливой формы, геніально изслѣдованный великимъ социологомъ... Мы только отмѣтили то обстоятельство, что каждому шагу въ развитіи обмѣна необходимо предшествуетъ соответственный шагъ впередъ въ общественномъ раздѣленіи труда ²⁾).

¹⁾ Последнее можетъ показаться спорнымъ. Когда европейцы вступаютъ въ обмѣнъ съ дикарями ново-открытаго острова, тогда повидимому, двѣ обмѣнивающіяся стороны принадлежать къ двумъ совершенно различнымъ производственнымъ обществамъ. Однако, это не такъ. Раньше чѣмъ вступить въ обмѣнъ, обѣ стороны должны завязать мирныя, дружественныя отношенія, должны въ рядѣ какихъ бы то ни было дѣйствій обнаружить свою нѣкоторую совмѣстность въ борьбѣ за существованіе; словомъ, уже раньше обмѣна должна возникнуть хотя бы слабая связь между обоими общественными процессами. Даже если допустить, что европейцы, пріѣхавши, сразу начинаютъ мѣняться съ туземцами—вещь врядъ ли возможная,—то все-же факту обмѣна предшествуетъ установленіе реальной связи двухъ обществъ въ ихъ техническомъ процессѣ; обѣ стороны должны другъ для друга перемѣстить свои продукты на то мѣсто, гдѣ происходитъ обмѣнъ.—Словомъ, даже въ такомъ не-систематичномъ обмѣнѣ, который для одной стороны представляется какъ замаскированная форма грабежа, для другой—какъ дружескій обмѣнъ подарками,—выражается только уже существующая, хотя слабая, социальное-производственная связь.

²⁾ Часто говорится, что развитіе обмѣна вызываетъ развитіе производства. При этомъ въ понятіе „обмѣна“ включаютъ, обыкновенно, всю технику сношеній между людьми: улучшеніе путей сообщенія, болѣе частыя путешествія и т. д.—Если отрѣшиться отъ этой путаницы, и видѣть въ обмѣнѣ процессъ исключительно идеологическій, въ которомъ измѣняется отношеніе людей къ продуктамъ ихъ труда, то станетъ ясно, что въ возрастаніи и развитіи обмѣна только выражается возрастаніе и развитіе общественно-раздѣленнаго производства.—Отсутствіе обмѣна, естественный типъ хозяйства препятствуетъ развитію производства

Развивающаяся симметрия производственных отношений все меньше подходит къ мѣновой формѣ распредѣленія, которая однако остается совершенно неизбѣжною при неорганизованномъ раздѣленіи труда.

Терминъ «формы собственности» или «формы присвоенія» есть только другое выраженіе понятія «формы распредѣленія», потому что всякая «собственность» есть не что иное, какъ возможность потребления¹⁾. Непосредственное, организованное распредѣленіе есть прямое присвоеніе особю средствъ потребления, организованная личная собственность на средства потребления. Мѣновое распредѣленіе есть косвенное присвоеніе, неорганизованная частная собственность (неорганизованная въ томъ смыслѣ, что ея наличность у того или другого члена общества и ея размѣры не опредѣляются прямой, сознательной организаторскою дѣятельностью всего общества или его спеціальнаго представителя, уполномоченнаго распоряжаться въ сферѣ распредѣленія).

Формы социально-производственныя и распредѣлительныя составляютъ вмѣстѣ экономику общества.

Съ мѣновымъ распредѣленіемъ находится въ тѣсной связи одно сложное понятіе, играющее большую роль въ современной экономической наукѣ,—понятіе «производительнаго потребления».

Процессъ распредѣленія имѣетъ своимъ содержаніемъ переходъ продуктовъ изъ сферы общественнаго труда въ сферу личного пользованія. Однако это личное пользованіе можетъ быть различнаго рода. Положимъ, я купилъ себѣ лимонъ. Я могу съѣсть его—это будетъ прямое потребленіе; но я могу также выжать изъ лимона сокъ, кристаллизовать лимонную кислоту и продать ее; тогда я потребляю лимонъ «производительно», т. е. дѣлаю его средствомъ производства, при томъ общественнаго, такъ какъ лимонную кислоту я приготавливаю не для себя, а для общества—на продажу.—Такое своеобразное явленіе—переходъ продуктовъ изъ сферы общественнаго труда черезъ распредѣленіе опять въ сферу общественнаго труда—получаетъ смыслъ и становится возможнымъ только благодаря особенностямъ строенія мѣноваго общества.

потому что за извѣстнымъ предѣломъ излишки продуктовъ становятся вполне безполезными для общества. Появленіе обмена устраняетъ это препятствіе на пути развитія, такъ что излишекъ ассимилированной энергіи общество можетъ направить въ сферу производства, а не вынуждено тратить иными путями. Въ этомъ смыслѣ обменъ способствуетъ (отрицательно) развитію производства.

¹⁾ Будетъ, пожалуй, точнѣе выразиться, что „собственность“ означаетъ то отношеніе людей къ продуктамъ, которое является результатомъ, конечнымъ моментомъ распредѣлительнаго процесса.

Въ обществѣ воплоти цѣльномъ, обладающемъ единой организаціей общественнаго труда, «производительное потребление» было бы нелѣпостью: распределение—прямое и организованное—вело бы только къ прямому личному потребленію.—Мѣновое общество не обладаетъ единой трудовой организаціей; оно распадается на множество мелкихъ и крупныхъ трудовыхъ общинъ, между которыми раздѣлено производство, но которыя являются въ значительной степени отдѣльными, самостоятельными общественными единицами. На извѣстной ступени своего развитія, общественное раздѣленіе труда приводитъ къ тому, что различныя стадіи одного трудового процесса (обработки однихъ и тѣхъ же элементовъ внѣшней среды) проходятъ въ различныхъ трудовыхъ общинахъ. Переходъ продуктовъ изъ сферы труда однихъ общинъ въ сферу труда другихъ имѣетъ свою техническую сторону—перемѣщеніе предметовъ обработки—и свою идеологическую сторону; послѣдняя состоитъ въ актѣ обмѣна—продажи и покупки.—Такова устойчивость идеологическихъ формъ. Было время, когда въ процессѣ обмѣна продуктъ переходилъ дѣйствительно только изъ сферы производства въ область потребления. Съ тѣхъ поръ, благодаря развитію техники, общественное раздѣленіе труда измѣнило свой характеръ: одні изъ производственныхъ группъ готовятъ для другихъ не только средства потребления, но и средства труда; дѣйствительная связь предпріятій въ производствѣ стала гораздо болѣе тѣсной. Однако по-прежнему переходъ элементовъ внѣшней природы изъ сферы общественнаго труда въ область воздѣйствія единой воли ¹⁾, въ область труда отдѣльной общественной единицы совершается при посредствѣ обмѣна. Да оно и не можетъ быть иначе. При неорганизованномъ общественномъ раздѣленіи труда необходимо продолжаетъ сохраняться и соотвѣтствующая ему идеологическая форма приспособленія—та, которая выражается въ неорганизованномъ частномъ присвоеніи, въ мѣновомъ процессѣ.

Такимъ образомъ абсурдный и противорѣчивый на первый взглядъ терминъ «производительное потребление» получаетъ историческій смыслъ: въ немъ выражается рѣзкое различіе той формы сотрудничества, которая существуетъ внутри отдѣльныхъ трудовыхъ общинъ (организованное раздѣленіе труда), и той, которая связываетъ такія общественныя единицы въ одно производственное цѣлое (неорганизованное раздѣленіе труда).

¹⁾ Мы говоримъ объ единой организующей волѣ, хотя бы она даже не была личной волей отдѣльной особи (предпріятія, организованная коллективностью).

Съ понятіемъ о производительномъ потребленіи связаны многіе важные элементы экономической науки, особенно понятіе о накопленіи. Но разсмотрѣніе всего этого не входитъ въ нашу задачу; мы только должны были отмѣтить то своеобразное сочетаніе условій, при которомъ распредѣлительный процессъ обмѣна приобрѣтаетъ особое содержаніе, необычное для подобныхъ процессовъ.

§ 9.

Право и нравственность (область формъ нормативныхъ).

Широкое понятіе «обычай» охватываетъ всё сложившіяся, устойчивыя общественныя отношенія — техническія, социальнo-производственныя, распредѣлительныя и иныя. Чѣмъ менѣе прочна и постоянна данная общественная форма, тѣмъ менѣе подходитъ къ ея проявленіямъ названіе обычая.

На свѣтъ все относительно, въ томъ числѣ и устойчивость обычая. Процессы развитія, процессы деградации — вообще, явленія измѣчивости человѣческой природы подъ различными вліяніями нерѣдко создаютъ въ отдѣльныхъ особахъ психическія формы, несоотвѣтствующія обычаямъ, стояшія въ противорѣчій съ ними. Это выражается въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ разрушенію установившейся общественной формы — въ такъ называемыхъ «нарушеніяхъ обычая». Если одни члены общества нарушаютъ обычай, то для другихъ, у которыхъ соотвѣтственная обычая психическая форма сохраняется прочно и составляетъ болѣе или менѣе значительную часть ихъ психики, это нарушение выступаетъ какъ внѣшнее вліяніе, понижающее жизнеспособность, — какъ источникъ страданій. Къ новому вредному вліянію, которое притомъ же не остается единичнымъ, а повторяется, общество должно такъ или иначе приспособиться. Иногда процессъ приспособленія сводится къ тому, что исчезаетъ самый обычай; но для насъ въ данный моментъ важенъ другой случай, когда обычай обладаетъ достаточной прочностью. Тогда измѣчивость вмѣстѣ съ различными видами подбора — психическимъ, социальнымъ, внѣшнимъ — создаютъ новую форму приспособленія; назначеніе этой формы заключается, естественно, въ томъ, чтобы уравновѣсить или устранить то вредное вліяніе, которое оказываютъ на жизнь общества дѣйствія, нарушающіе обычай. Новая общественная форма называется правовой или, точнѣе, обычно-правовой.

Положимъ, нѣкоторые изъ членовъ родовой общины начинаютъ брать себѣ необычно-большую долю изъ общаго продукта (затѣмъ,

напр., чтобы вымѣнять для себя лишнее на украшенія). Такіе поступки служатъ для остальныхъ членовъ общины двойнымъ источникомъ страданія: во-первыхъ, вслѣдствіе уменьшенія въ количествѣ достаемыхъ имъ средствъ потребленія, во-вторыхъ потому, что эти поступки стремятся разрушить привычный для нихъ строй жизни, прочныя психологическія формы. Создается новая общественная форма приспособленія къ подобнымъ случаямъ: нарушителей обычая выгоняють изъ общины. Такъ получается обычно-правовая норма: «жадные изгоняются».

Послѣдовательность развитія подобныхъ нормъ на основаніи существующихъ данныхъ, дополняемыхъ законными аналогіями, приходится представлять себѣ въ такомъ видѣ.

Вначалѣ на нарушение обычая страдающіе отъ него члены первобытнаго общества непосредственно реагировали дѣйствіями, направленными къ устраненію непріятнаго факта или его виновника. Эта стадія характеризуется быстротой и грубостью, — какъ-бы рефлексивнымъ или инстинктивнымъ типомъ общественной реакціи на противо-обычныя явленія. Тутъ еще нѣтъ для подобныхъ случаевъ тѣхъ специальныхъ приѣмовъ приспособленія, которые называются «судомъ».

Способы воздѣйствія на «преступниковъ» до крайности просты; обыкновенно — смерть или равносильное ей изгнаніе изъ родовой общины.

Однако эта стихійная форма борьбы за сохраненіе обычая мало-по-малу становится не особенно выгодной для общества, по мѣрѣ того какъ нарушенія обычая учащаются. Въ эпоху преобразованія родовыхъ отношеній прогрессирующимъ раздѣленіемъ труда, въ начальномъ періодѣ развитія обмѣна, когда особь впервые начала сознавать себя, какъ отдѣльную единицу, и нерѣдко уже становилась въ противорѣчіе со своей родовой коллективностью — въ тѣ времена долженъ былъ сложиться иной типъ общественной защиты обычая. На сцену выступило болѣе или менѣе обстоятельное обсужденіе факта и способовъ устранить его вредное вліяніе; обсуждаетъ ли община въ ея цѣломъ, или ея старѣйшина-организаторъ, — разница для насъ здѣсь несущественная.

Воздѣйствіе на преступника отличается менѣе непосредственнымъ, болѣе сознательнымъ характеромъ, чѣмъ прежде. Отъ прежней, стихійной борьбы съ преступникомъ осталось, главнымъ образомъ, стремленіе ему воспрепятствовать или его наказать, — стремленіе, являющееся уже въ роли мотива для преданія суду и только въ рѣдкихъ случаяхъ прямо, непосредственно переходящее въ дѣй-

ствія¹⁾. Оно выражается въ формулѣ, съ которой одинъ членъ общества обращается къ другому, нарушающему обычай: «ты не долженъ»... Оно въ индивидуальной психикѣ ложится въ основу чувства долженствованія, для котораго объектомъ вначалѣ служить другой человѣкъ.

Это—отраженіе коллективной воли въ особи, отраженіе пока еще простое и ясное, еще не принявшее характера безличной силы, внѣшней для особи. Въ этомъ чувствѣ особь сознаетъ свою солидарность съ общественнымъ цѣлымъ, для нея близкимъ и хорошо ей извѣстнымъ—съ ея общиной.

Но чѣмъ дальше идетъ разложеніе родовыхъ связей и расширение мѣновыхъ, тѣмъ чаще обнаруживается противорѣчіе между особою и группою. Всякому случается уже время отъ времени выступать въ роли нарушителя обычаевъ, общинныхъ или междуобщинныхъ. Тогда стремленіе воспрепятствовать нарушенію обычаевъ, и вытекающее изъ него «чувство долженствованія» обращается, въ индивидуальной психикѣ, при случаѣ, и на самое особь. У меня существуетъ прочно сложившееся стремленіе не позволять никому брать изъ общаго продукта сверхъ необходимаго; но у меня самого явилось вдругъ побужденіе взять лишнее... Тогда со своимъ «ты не долженъ» я адресуюсь уже къ себѣ самому. Мое стремленіе, выражающее родовую, общинную волю, выступаетъ уже въ противорѣчій съ другимъ, личнымъ, направленнымъ къ нарушенію обычая.—Тогда только слагается формула «я не долженъ»,—чувство долга принимаетъ характеръ силы внѣшней для моего «я», борющейся съ моими личными побужденіями. Чувство это усиливается и упрочивается благодаря воздѣйствіямъ со стороны общества, которое меня наказываетъ, если я уклоняюсь отъ «должнаго». Громадное расширение общественнаго цѣлаго и стихійный характеръ общественныхъ силъ мѣноваго періода все болѣе обезличиваютъ это чувство—особь теряетъ окончательно изъ виду его исходную точку, и оно субъективно связывается съ непознаваемымъ, а въ своемъ конечномъ развитіи переходитъ въ голый категорическій императивъ.

Таковы существенные элементы психологіи обычнаго права, вмѣстѣ съ обоими его основными развѣтвленіями—правомъ и нравственностью. На чемъ основывается различіе этихъ двухъ областей общественныхъ нормъ?

Способы, которыми пользуется общество, чтобы уравновѣситъ или устранить нарушеніе обычая, бываютъ различныя, смотря по

¹⁾ Напомнимъ, что стремленіе есть актъ сознанія, отражающій начинающееся ослабленное воспроизведеніе самаго дѣйствія.

степени несоотвѣтствія поступка со всей системой обычаевъ. Кромѣ ряда болѣе энергичныхъ и суровыхъ—такъ сказать, разрушительныхъ-способовъ воздѣйствія на преступниковъ, существуетъ способъ болѣе мягкій, выражающійся въ порицаніи. Поступки, которые вызываютъ только порицаніе, называются безнравственными, проступками противъ нравственности; болѣе энергичному и грубому воздѣйствію подлежатъ преступленія противъ права. Такъ нравственность выдѣляется изъ области обычного права.

Кажется, на границѣ обычного права и нравственности можно поставить формы приличія.

Законъ есть та форма права, которая свойственна главнымъ образомъ обществу съ неорганизованнымъ раздѣленіемъ труда—обществу мѣновому. Онъ возникаетъ изъ обычного права и существенно отличается отъ него—именно техникой своего развитія. Мѣновое общество состоитъ изъ группы взаимно независимыхъ въ сферѣ производства организаторовъ труда и группы находящихся въ зависимости отъ нихъ исполнителей; законъ устанавливается, естественно, первыми. Они продолжаютъ, впрочемъ, оставаться главными организаторами права и тогда, когда перестаютъ являться организаторами производства, но не утратили еще этой роли въ распределеніи.

Области права, нравственности, приличія, закона соотвѣтствуетъ вторая группа идеологическихъ формъ—нормативная.

Возникая на почвѣ формъ обычныхъ, прежде всего техническихъ и социально-производственныхъ, затѣмъ распределительныхъ, формы нормативныя въ своемъ развитіи имъ подчиняются и слѣдуютъ за ними, словомъ—исторически ими опредѣляются.

§ 10.

Всеобщія идеологическія формы—познавательныя.

Всѣ различные способы выраженія чувствъ и мыслей—мимика и рѣчь—и вся система общественного міропониманія—наука и философія—относятся къ содержанію идеологическихъ формъ третьей группы—формъ познавательныхъ.

Зародыши мимики и рѣчи существуютъ уже въ семьяхъ и стадахъ животныхъ. Во всякомъ случаѣ они могутъ развиваться только въ обществѣ, слѣдовательно на почвѣ уже наличной связи между особями, и должны въ своемъ развитіи соотвѣтствовать формамъ этой связи.—Такимъ образомъ, и для общественныхъ формъ выраженія чувствъ и мыслей исторія ихъ развитія должна опредѣляться

исторіей основныхъ общественныхъ формъ—соціально-производственныхъ и техническихъ,—а затѣмъ и другихъ идеологическихъ формъ. Новыя явленія въ сферѣ внѣшней борьбы общества, въ сферѣ его основныхъ и производственныхъ внутреннихъ отношеній, требуютъ новыхъ способовъ выраженія, обозначаются, напр., новыми словами.

То же относится къ общественнымъ формамъ міровоззрѣнія. Матеріалъ для нихъ даетъ общественная борьба за существованіе и внутреннія отношенія общества въ этой борьбѣ. Совершенно понятно, что ихъ исторія опредѣляется исторіей тѣхъ формъ, отраженіемъ которыхъ онѣ являются, т. е. формъ техническихъ, соціально-производственныхъ, идеологическихъ.—Лишь такое познаніе, которое соотвѣтствуетъ сложившимся формамъ общественной жизни, становится общественной формой познанія. А частное уклоненіе отъ привычныхъ обществу способовъ міропониманія только тогда можетъ послужить зародышемъ новой общественной формы міропониманія, когда оно соотвѣтствуетъ развивающимся соціальнымъ формамъ; въ противномъ случаѣ оно подлежитъ разрушительному дѣйствію общественнаго подбора.

§ 11.

Общество въ его измѣненіи.

Асимметрія формъ соціально-производственныхъ ведетъ не къ одной асимметріи формъ идеологическихъ. Она вызываетъ раздробленіе общества на группы съ болѣе или менѣе различной психологіей.

А. Средневѣковой феодализмъ и подчиненные ему крестьяне находятся въ асимметричномъ отношеніи сотрудничества. Первый выполняетъ организаторскую роль въ дѣлѣ защиты отъ внѣшнихъ враговъ, и въ иныхъ предпріятіяхъ, непосильныхъ для мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ¹⁾. Вторые ведутъ каждый свое маленькое земледѣльческое хозяйство, соединенное съ кое-какими подсобными промыслами. Слѣдовательно, тѣ внѣшнія вліянія, подъ которыми живетъ феодализмъ, значительно отличаются отъ тѣхъ, подъ которыми живутъ крестьяне. Вначалѣ это ведетъ къ простой асимметріи идеологическихъ формъ: феодализмъ является главнымъ организаторомъ

¹⁾ Устройство путей сообщенія, мельницъ, общинныхъ хлѣбныхъ печей, виноградныхъ давиленъ... Кроме того феодализмъ организуетъ помощь крестьянамъ на случай стихійныхъ бѣдствій (которые при натуральномъ хозяйствѣ имѣютъ особенно большое значеніе) и т. под..

распредѣленія, крестьяне признають за нимъ эту роль; онъ судить и даетъ законы, крестьяне не считаютъ его постановленія обязательными для себя, и т. д. Даже асимметрия идеологіи вначалѣ не слишкомъ значительна: феодалъ имѣетъ свое личное земледѣльческое хозяйство, и самъ непосредственно его организуетъ; такимъ образомъ существуютъ вліянія, до нѣкоторой степени сближающія психологію феодала съ психологіей крестьянина—отца семейства,—являющагося не только работникомъ, но и организаторомъ въ своемъ хозяйствѣ. Все это объясняетъ намъ, почему асимметричныя внутреннія отношенія стариннаго феодальнаго хозяйства отнюдь не являются противорѣчивыми.

Дальнѣйшее развитіе этихъ общественныхъ формъ совершенно неизбѣжно усиливаетъ ихъ асимметрію. Живя подъ различными вліяніями, группа феодаловъ и группа крестьянъ естественно измѣняютъ свою психологію въ различныя стороны.

Прогрессъ техническихъ приѣмовъ земледѣлія и обработки сырыхъ матеріаловъ создаетъ въ довольно однородной прежде крестьянской массѣ извѣстное раздѣленіе труда. Изъ крестьянства выдѣляются ремесленники, а остальное населеніе, хотя далеко еще не бросаетъ подсобныхъ промысловъ, но относительно больше занимается земледѣліемъ, приобрѣтая путемъ обмѣна нѣкоторые продукты, прежде приготовлявшіеся въ домашнемъ хозяйствѣ. Нѣкоторыя мелкія хозяйства, постепенно разростаясь и поглощая другія, достигаютъ большихъ размѣровъ и соединяютъ большое количество рабочихъ силъ и средствъ производства подъ властью одного организатора—зажиточнаго крестьянина или ремесленника. Подобныя сильныя хозяйственныя единицы все въ большей степени могутъ обходиться безъ организаторскаго вмѣшательства феодала.

Развивающееся общественное раздѣленіе труда, устраняя прежнюю изолированность жизни мелкихъ феодальныхъ общинъ, дѣлаетъ недостаточной и даже прямо непригодной прежнюю, особую для каждой такой общины, организацию военной защиты. Создаются гораздо болѣе обширныя организациі военной защиты; во главѣ ихъ становятся самые крупные феодалы—князья, короли; остальные феодалы объединяются подъ ихъ властью—добровольно или въ силу принужденія. Такимъ образомъ, масса феодаловъ теряетъ самую важную часть своей прежней общественно-производственной роли.

Далѣе, широкое общественное раздѣленіе труда связано съ такими большими перемѣщеніями массы продуктовъ, что прежніе пути сообщенія, пригодные для чисто-феодальной организациі производства, оказываются уже совершенно недостаточными; проводятся длинныя

шоссейныя дороги, строятся новаго типа корабли для дальнихъ плаваній... Для эти не по силамъ мелкому феодалу, и онъ по необходимости предоставляет ихъ новымъ обширнымъ организациямъ труда, во главѣ которыхъ стоятъ князья или капиталисты. Такъ феодалъ теряетъ еще другую часть своей общественно-производственной роли.

Къ концу Среднихъ Вѣковъ феодалъ остается только организаторомъ собственного частнаго земледѣльческаго хозяйства. Стремясь расширить это хозяйство путемъ поглощенія мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ ¹⁾, онъ перестаетъ заботиться объ ихъ поддержаніи, ссылается съ себя, какъ излишнюю обузу, организаторскую роль въ дѣлѣ помощи крестьянамъ при стихійныхъ бѣдствіяхъ.

Теряя наибольшую долю своего значенія въ организациі общеннаго производства, феодалы однако сохраняютъ еще почти прежнюю роль въ сферѣ распредѣленія и права. Они назначаютъ барщину и оброки для своихъ крестьянъ, пошлины для проѣзжихъ торговцевъ; они творятъ судъ и расправу въ своихъ владѣніяхъ и т. д... Отказаться отъ подобной дѣятельности они не могутъ во-первыхъ потому, что она весьма привычна для нихъ, во-вторыхъ потому, что она непосредственно полезна для нихъ, — такъ что психическій подборъ, да и социальный въ средѣ феодаловъ направлены къ ея поддержанію.

Итакъ, въ феодальной психикѣ сохранялись элементы прежнихъ распредѣлительныхъ и правовыхъ формъ, именно признаніе за собой организаторской роли въ этихъ сферахъ, и привычка къ ней. Этому нисколько не противорѣчила съ точки зрѣнія феодаловъ утрата ими прежней общественно-полезной дѣятельности: сложить съ себя прежнія обязанности было дѣломъ настолько же непосредственно пріятнымъ для нихъ, какъ и сохранить прежнія права.

И въ другихъ общественныхъ группахъ въ силу простаго консерватизма привычекъ сохранялись еще основные элементы прежнихъ формъ распредѣленія и права—признаніе за феодалами руководящей

¹⁾ Прежде у феодала не было такого стремленія: при натуральномъ хозяйствѣ, при слабомъ общественномъ раздѣленіи труда расширение частнаго хозяйства феодала дальше извѣстныхъ предѣловъ становится безполезной тягостью, такъ какъ оно вовсе не даетъ феодалу возможности расширить и полнѣе удовлетворять свои потребности: лишняя 1000 пудовъ хлѣба безполезна человѣку, который не можетъ ея съѣсть. Только широкое общественное раздѣленіе труда, давая людямъ возможность при посредствѣ обмѣна пользоваться чужими продуктами и развивать свои потребности, расширять кругъ своихъ удовольствій, заставляетъ людей стремиться къ безграничному увеличенію личнаго хозяйства; только мѣновыя отношенія направляютъ въ эту сторону психическій подборъ.

роли. Но такъ было недолго. Съ возрастаніемъ общественно-производственного значенія этихъ группъ, въ нихъ развивалось сознание своей силы, своего достоинства. Онѣ скоро почувствовали несоотвѣтствіе своей производственной дѣятельности, и своего участія въ организации распредѣленія и права. Для нихъ было непріятно видѣть, какъ все возрастающая доля продукта организованныхъ ими предпріятій становилась средствомъ потребления для феодаловъ. Для сложившейся мѣнливой психологіи было прямымъ противорѣчіемъ присвоеніе безъ эквивалента вообще, а въ частности также и присвоеніе господства въ правовой области безъ дѣйствительныхъ заслугъ передъ обществомъ. Словомъ, эти группы скоро стали относиться къ феодаламъ, какъ къ внѣшнему вліянію, понижающему ихъ собственную жизнеспособность. У нихъ выработалась новая идеологическая форма, выражавшаяся въ томъ, что онѣ не признавали за феодалами руководящей роли въ распредѣлительной и правовой дѣятельности, и стремились взять на себя эту долю общественного труда.

Получается уже не асимметрия, а прямое противорѣчіе двухъ идеологическихъ формъ. Феодалы признаютъ за собой такіа-то права, а прочіе не признаютъ за ними этихъ правъ. Общество отчасти утратило свое единство: одна его часть относится къ другой, какъ къ вредному вліянію, и обратно. Складываются отношенія внутри - общественной борьбы. Впрочемъ, борьба ведется только въ извѣстныхъ предѣлахъ, потому что, находясь во взаимномъ противорѣчій въ однѣхъ сферахъ дѣятельности, обѣ части общества сохраняютъ свое взаимное сотрудничество въ другихъ сферахъ, и самая борьба лишь въ рѣдкихъ случаяхъ принимаетъ зоологическій характеръ.

Пока перевѣсъ энергіи находится на одной сторонѣ, въ дѣйствительности господствуютъ свойственныя ей идеологическія формы распредѣленія и права; противорѣчающія имъ идеологическія формы другой стороны остаются простыми стремленіями. Болѣе слабыя подчиняются болѣе сильнымъ, которые господствуютъ надъ ними; такова единственная возможная форма взаимнаго приспособленія во внутренней общественной борьбѣ (если не говорить о моментахъ борьбы зоологической).

Когда перевѣсъ энергіи переходитъ на другую сторону, то измѣненія въ обществѣ совершаются по типу кризисовъ. Однако при колеблющемся характерѣ борьбы съ перевѣсомъ то на той, то на другой сторонѣ, обѣ части общества могутъ приспособиться одна къ другой постепенно, путемъ ряда мелкихъ частныхъ кризисовъ.

Вообще же социологическіе кризисы отличаются, какъ мы указывали, большой медленностью, по сравненію, напр., съ индивидуально-психическими, что зависитъ отъ громадной сложности общественнаго механизма.

Почему же асимметрія формъ можетъ переходить въ ихъ противорѣчіе, почему въ обществѣ создаются отношенія внутренней борьбы?

Въ отдѣлѣ о жизни, говоря о послѣдовательности развитія, мы отмѣтили, что формы внутреннихъ отношеній, болѣе удаленныя отъ непосредственной борьбы за жизнь съ внѣшнимъ міромъ, приспособляются позже, чѣмъ менѣе удаленныя, и въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ; создается такимъ образомъ періодъ взаимнаго несоотвѣтствія тѣхъ и другихъ, періодъ внутреннего противорѣчія, ослабляющаго жизнеспособность всей жизненной формы.

То же относится и къ обществу. Въ его приспособленіи къ внѣшней природѣ, формы идеологическія отстаютъ отъ социально-производственныхъ и техническихъ, чѣмъ и вызывается періодъ внутреннего противорѣчія. Такъ, феодалъ съ измѣненіемъ своей роли въ общественномъ сотрудничествѣ, не измѣняетъ своей роли въ сферѣ распредѣленія и права. Отсюда противорѣчивыя отношенія внутри общества.

В. Кромѣ вышеописаннаго, существуетъ еще одно очень важное противорѣчивое отношеніе людей внутри общества. Это—идеологическая форма обмѣна, соответствующая неорганизованному общественному раздѣленію труда.

Только при организованномъ раздѣленіи труда, какое существовало напримѣръ съ первобытной общинѣ, трудъ каждаго члена общества постоянно является общественно-полезнымъ. При неорганизованномъ же раздѣленіи труда легко происходитъ и противоположное: затрата энергіи отдѣльнаго производителя оказывается общественно-безполезною. Тогда, по законамъ обмѣна, онъ лишается своей доли въ общественномъ продуктѣ, лишается средствъ потребленія. Въ иныхъ случаяхъ только часть его труда является общественно-полезной; тогда онъ получаетъ за свой трудъ меньшую долю продуктовъ, чѣмъ это соответствовало бы затратѣ энергіи на производство (дешево продаетъ свой товаръ). Отсюда возникаетъ, какъ извѣстно, противорѣчивое отношеніе—конкуренція—между однородными производителями.

Вдобавокъ, въ обмѣнѣ человѣкъ имѣетъ дѣло не прямо съ цѣлымъ обществомъ, а съ его представителемъ—покупателемъ товара. Этимъ создаются еще болѣе благоприятныя условія для расpredѣлительныхъ противорѣчій.

Получается своеобразный антагонизмъ, противорѣчіе между особою

и обществомъ, выражающееся въ мѣновой борьбѣ покупателя и продавца, въ борьбѣ между продавцами, и въ борьбѣ между покупателями. Конечно, противорѣчіе здѣсь обыкновенно болѣе слабое, чѣмъ то, которое возникаетъ изъ несовмѣстимости различныхъ идеологическихъ формъ, и гораздо рѣже вызывается въ зоологической борьбѣ, хотя иногда весьма приближается къ этому типу (монополія).

С. Противорѣчія общественныхъ формъ ведутъ къ господству надъ людьми ихъ собственныхъ взаимныхъ отношеній.

Господство не слѣдуетъ смѣшивать съ зависимостью или обусловленностью. Судьба каждого человѣка всегда обусловливалась прежде, и впредь всегда будетъ зависеть въ наибольшей степени отъ общественныхъ формъ, а въ остальномъ—отъ непосредственныхъ вліяній со стороны внѣшней природы. Но зависимость превращается въ господство тогда, когда она проявляется въ формѣ страданій. Общественныя отношенія тогда господствуютъ надъ людьми, когда люди принуждены приспосабливаться съ нимъ цѣною массы страданій и мучительныхъ усилій, и все-же далеко не всегда приспосабливаются въ дѣйствительности, а часто погибаютъ. Причинность не есть господство. Если бы рабу всегда вполнѣ пріятно было дѣлать то, чего желаетъ господинъ, если бы воля господина не являлась никогда для него принужденіемъ, т. е. непріятной необходимостью—это было бы не рабствомъ, а зависимостью одной воли отъ другой. Тѣмъ болѣе не была бы рабствомъ зависимость людей отъ безличныхъ общественныхъ формъ, если бы она не порождала тяжелыхъ страданій, если бы она не была жестокою.

Въ первобытныя времена общественный человѣкъ находился въ рабствѣ у внѣшней природы, т. е. онъ постоянно чувствовалъ ея власть надъ собою въ той массѣ страданій, которыхъ ему стоило приспособленіе къ ея измѣняющимся вліяніямъ.

Затѣмъ человѣкъ поладилъ съ природою и научился приспособляться къ ея непосредственнымъ воздѣйствіямъ безъ особенно мучительныхъ усилій, безъ чрезмѣрныхъ страданій. Этимъ нисколько не измѣняется тотъ фактъ, что исходная точка всѣхъ явленій общественной и индивидуальной группы лежитъ все-таки во внѣшней природѣ.

Но, выйдя изъ подъ власти природы, человѣкъ попалъ подъ тяжелую руку противорѣчивыхъ общественныхъ отношеній. Пока онъ не поладилъ съ ними, они для него—жестокая необходимость, источникъ внутреннихъ противорѣчій, невидимый внѣшній врагъ. Конечно, они не только все это, а также и основное, необходимое условіе жизни человѣка. Власть надъ человѣкомъ общественныхъ формъ имѣетъ свой предѣлъ во времени. Но зависимость

отъ нихъ его существованія и судьбы не прекратится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать общество.

Человѣкъ есть результатъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній, которыя на него дѣйствуютъ, и въ то же время человѣкъ есть сумма его дѣятельности. Эта формула не заключаетъ противорѣчія.

Въ своей дѣятельности человѣкъ приспособляется къ внѣшнимъ вліяніямъ. Наибольшая приспособленность ко всѣмъ возможнымъ вліяніямъ есть свобода, наименьшая—рабство.
